

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин

СОБОЛЬ

По следу

В зоопарке живет несколько соболиных семейств, сыгравших историческую роль в звероводстве, именно потому, что на этих соболях и была доказана возможность их размножения в домашних условиях. Следовало бы в самом зоопарке расширить опыты и потом уже дело промышленного разведения соболя передать на зоофермы. Но при современных условиях приходится спешить, и на зооферме в Пушкине смешались две задачи: промышленное разведение и научные опыты. Тут целый соболиный парк, и огромные вольеры под сенью деревьев с мелькающими среди солнечных пятен гибкими зверьками доставляют большую радость наблюдателю. Как мало удачи охотнику, но зато как светит ему счастливый случай и поглощает или закрывает собой все напрасные надежды! Вот на снегу след ничтожного зверька – горностая, цена ему в сравнении с соболем совершенно ничтожная. Промышленник шел осматривать соболиные ловушки и не пошел бы по следу горностая, он завернул потому, что откуда-то взялся след соболя и зазмеился рядом с горностаевым следом: соболь пустился за маленьким чисто белым зверьком с черным хвостиком. След горностая пришел к засыпанному снегом кедровому стланцу. Но тут надо знать: стланец – это щетка из низенького кедра, такая частая, что по ней можно ходить человеку. Теперь снег занес совершенно кедровый стланец. Горностай быстро прокопал себе туда вниз в снегу дырочку, – или может быть, она заранее тут была заготовлена? – нырнул и пошел там под снегом неведомыми тесными ходами. Соболю там не поймать горностая. Соболь ждет. Вот горностай выскочил из другой дырочки. Соболь – наперерез. Только бы схватить, но горностай – опять в другую дырочку. И опять ждет. Вот удалось! Горностай выскочил, соболь перехватил и выгнал его с площади стланца на суходол. Теперь загорелся промышленник: горностай прошел по его тропе, на его ловушку, и соболь за ним. Вот только бы гарь миновала. Прошло! Направо бурелом и завал, только бы горностай не пошел по завалу. Нет! Теперь остается россыпь: следы горностая и соболя ушли в каменную россыпь. Ну, вот теперь в этой россыпи в другую, через небольшую полянку величиной с комнату, идет определенный соболиный лаз в другую россыпь, на этом лазу, на соболиной тропе, и стоит врезанный в снег очень искусно капкан. Обратного следа нет, значит, соболь был на лазу, и пусть он в россыпи догнал горностая и там съел его, ведь обратного-то нет следа, значит, сытый соболь непременно лазом пошел в ту, другую россыпь. Если он не ел и потащил тушку, то опять-таки непременно с тушкой должен пройти над капканом. Тут верное дело, и, даже если горностай обманул соболя и ушел куда-нибудь россыпью, соболю нет другого хода, так или иначе, но он должен пойти по тропе. Пройдет много лет, вся жизнь пройдет, а всегда будет помниться это нарастание уверенности, этот прилив радости. Вот и место капкана, вот издали видно – снег взрыт! Конечно! Счастливый охотник наклоняется к соболю, а в капкане горностай, и след соболя дальше дуром летит на прыжках от страшного места. Дальше можно принять охотника за безумного. Он вынимает горностая и, тихонько ругаясь, начинает бить головой его о капкан. Потом он идет и бьет горностая по дереву, по каждому дереву треплет и ругается все громче и громче. Совсем близко отсюда стоит у него кулемка и там приманка необыкновенная: змея, жаренная на меду и со всякими наговорами. Надо бы зайти, но он не может, он совершенно расстроен, треплет, треплет горностая и, швырнув его, завертывает к зимовью. Он не знает, что этот же соболь попробовал его жаренная на меду и со всякими наговорами. Надо бы зайти, его хвост виднеется.

Вот какой это зверек! А теперь вот такой-то ничтожный зверек много тоньше кошки, если даже и не покороче, бегаёт себе по вольере. Вот именно не сам он, а роль его как золота, эта способность быть конденсатором человеческой жизни и распределяться между счастливыми людьми, как описано в арабских сказках калифами и эмирами... Двести соболей в тайге распределяются на огромном пространстве, но тут, в Пушкине, живут они все двести на каких-нибудь нескольких сотнях метров. И начинается новая история соболя и всей страны.

Урал

Сколько раз обернулось вагонное колесо, пока наш поезд прибыл на Дальний Восток? А сколько мы, сидя прямо друг перед другом, постоянно беседуя, слов навернули, если все их собрать и потом крепко обдумать? И мысли, конечно, были, потому что если две недели сидеть сложа руки и в окно смотреть, то самому глупому что-то в голову, как говорится, приходит.

Было одно озеро на Урале, вокруг по берегам будто маком посыпано: тысяч десять домиков, а то и больше, конечно, несколько церквей и трубы завода. Это ни город, ни село, ни посад, это по-уральски называется завод. Вот интересно вслушаться в смысл, когда произносят у нас это слово завод и на Урале: здесь, на Урале, завод понимается как-то вместе с жителями или даже, вернее, самый завод именно и есть люди, живущие здесь для вот этого огромного здания с трубами. Да, так именно и было, этот завод у озера обслуживался трудом крепостных. Так весь Средний Урал усеян такими заводами, разделенными иногда настоящими дебрями лесов и болот. И, конечно, не все озера в этом рудоносном Урале обсыпаны домиками, есть озера очень прозрачные, горно-спокойные и совершенно уединенные. Местные люди рассказывают нам в вагоне, как не раз случалось им видеть: медведь тут, наевшись в лесу каких-то корней, возбуждающих жажду, подойдет напиться к тихому горному озеру и долго лакает, пуская по глади большие круги. А раз – вот потеха! Видели, как Мишка вышел из леса на песчаную кручу, очень высокую, и вдруг она от его тяжести подалась, и он, беспомощный, поехал вместе с песком и бултыхнулся в воду. Умный зверь не полез обратно на песок, а поплыл на другую сторону озера и взобрался по крутому берегу, оставляя на долгие годы на вязкой глине отпечатки своих лап, известно, очень похожих на отпечатки следа гигантского человека.

Есть одна сопочка, с которой видно сто одиннадцать пустынных озер. Отсюда Урал быстро падает к востоку и без всяких предгорий переходит в необъятную сибирскую степь, где ныне пашут колонны в сотни тракторов. Как вот тут не задуматься о покойниках, поднять бы вот теперь каторжников и крепостных, работавших столько лет на уральских заводах, показать бы им Магнитогорск или, еще лучше, Уралмашстрой, где так рассчитано время, что каждый рабочий, тратя в день всего два часа на учение, через восемь лет должен сделаться инженером, притом не наемником инженером, а настоящим хозяином дела. Время беспощадно, не поднимаешь этих людей, но что говорить о мертвых, если время и с живыми так устраивает, что многие из них живут иногда целиком в далеком прошлом страны. Вот на Печоре, берущей свое начало в пустынном Урале, до сих пор поют былины, петье еще при дворе великого князя Владимира. И на всем Урале, пустынном, рудоносном и Южном, найдется и сейчас сколько угодно людей, называемых кержаками, – они молятся не тремя пальцами, как православные, а двумя и верят, что, начиная с Петра, все русские цари со всеми чиновниками, вплоть до самых маленьких землемеров и весовщиков, представляли собой антихриста, зверя многорожного: царь – зверь, а слуги его – рога зверя..

Да, надо так понимать, что глаза Времени по сторонам не видят. Все, что в стороне, так и остается надолго в своем виде, а все, что впереди мешает ходу, то исчезает почти что молниеносно. Вот подумать только, что всего год назад на месте, где теперь вырос гигантский завод-втуз, целый город с многотысячным населением, всего только год назад был лес как лес! Инженер и бухгалтер, работающие ныне на стройке завода, всего ведь только прошлый год заблудились, собирая на этом месте грибы, и так основательно заблудились, что три дня жили, питаясь ягодами и обжаренными на палочке грибами. Теперь от леса на месте стройки остались только маленькие клочки, там и тут забытые, отдельно стоящие деревья. Рабочий поселок, из двух длинных рядов многоэтажных домов, оголился от леса совершенно, и, конечно, зря, потому что деревья же все равно придется на радость детям и для отдыха взрослых непременно сажать. Но это и в голову не приходит на стройке, – вон сколько леса синее впереди, хватит лесов! Подите туда поближе, к этому лесу, и после электричества, новейших машин и всевозможных курсов для рабочих удивлению вашему не будет конца: вы увидите тут между деревьев землянки, накрытые одна возле другой во множестве по опушке леса, окружающего всю расчищенную площадь гигантской стройки. Подземные жители явились сюда из деревень. Приехали они сюда издалека, за сотню и больше километров, на своих лошадях и работают на заводе коновозчиками. У них там, под землей, неплохо: между двойными тесовыми стенами набиты сухие стружки, пол деревянный и потолок, небольшая русская печь, и тут, как в деревне, возле печки постоянно баба хлопочет, ребятишки. Среди подземных жителей один, пожилой Ульян Беспалый, был человек истинно замечательный. Он приехал сюда из тех великих болотных дебрей, которые все это гигантское строительство будут скоро питать добываемой из торфа электроэнергией. В этом году, ранней весной его мальчик пошел искать уральские самоцветы и не вернулся.

Мальчик Беспалый пропал..

Это действительно было, и еще вот что было: отец Беспалый вел просеку в торфяное

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru болото, будущую базу теплоэнергии Уралмашстроя. На берегу одного ручья он увидел следы мальчишка, и дальше от этих следов на песке выше в гору шла настоящая тропа, пробитая теми же ногами. По этой тропинке Беспалый поднялся к пещере и в ней нашел в обморочном состоянии своего сына. С весны до осени мальчуган питался корнями и ягодами, а за водой ходил к ручью. Так это было, а продолжения были или нет. Но можно легко построить то, чего не было, а очень возможно. Пусть жизнь этого мальчишка-Робинзона продолжается в условиях социалистического завода и встречается с жизнью отца его, Ульяна Беспалого.

Урал очень стар, эти низкие горы содержат неисчерпаемые минеральные сокровища. Почти незаметно горы понижаются.

Колеса

Так сколько же раз обернется колесо от Москвы до Владивостока? Диаметр колеса приблизительно известен, и от Москвы туда – девять тысяч километров, – вот задача на сон грядущий, чтобы, считая до утомления, отделяться от наплывающих мыслей и, не докончив трудного счета, уснуть. Сколько раз трудный счет обрывался в самом конце, на мгновение охватывал сон, и опять все шло сначала. Так вертится, вертится в голове трудный счет колесом, лежишь, прислушиваешься и со своего колеса в голове переносишь сочувствие на вагонное, что вот как трудно ему доехать, и сколько раз надо ему обернуться, и сколько раз вздрогнуть на стыках рельс. А то вот раз было: все стихло, вероятно поезд остановился на какой-то неведомой станции. Слышится очень знакомый и мне всегда почему-то приятный звук. Это дорожный смазчик проходит и постукивает по колесам, спрашивая их о здоровье: «Живы ли, голубчики, здоровы ли?» – «О-ох!» – жалобно стонут колеса. И вот их опять пускают, и опять вопрос в голове: сколько раз обернутся колеса? И потом к своей голове: сколько в ней всего пробежит!

Любовь к природе

С нами едут на стройку из Германии два механика, едет сибирский землемер, бухгалтер едет на Алданские золотые промысла, бельгийский геолог, несколько партизан-краснознаменцев, разные завывы и помзавы, и председатели, буряты, монголы, моряки, – кого только нет!

Путешественник из Германии четверо суток стоял с утра до ночи в проходе у окна и молча глядел в окно. Так вот теперь вспоминаю, что именно с его загадочной головы начались у меня вопросы к вагонному колесу, сколько раз ему обернуться, и потом к ходу мыслей в своей голове и разным чужим головам, и вообще вся эта вагонная чепуха, неизбежная при качке и тряске в течение столь долгого времени. И только на пятые сутки, где-то около Новосибирска, немец, стоявший возле окна, сел и заговорил:

– Удивительно, – сказал он, – в Германии какой-нибудь час проедешь, и того меньше, довольно десять минут постоять у окна, и непременно увидишь зверюшку. Бывает, испугается, отбежит немного, крикнешь ему громко: «Halt!» – он сядет. Махнешь ему шляпой или в ладоши ударишь: «Halt!» – он опять побежит и опять сядет. «Bitte sehr!». Бывает, заяц, лисица, дикие козы. А тут, в Сибири, в стране пушных зверей, на весь мир известных, я за четверо суток ничего не видел. «Was ist das?»

Краснознаменцы-партизаны поняли, что мы говорим о зверях, и стали просить у меня перевода. Все они были раньше промысловыми охотниками, некоторые и сейчас служат в охоткооперации, в приписных хозяйствах, другие как инвалиды занимаются легкой охотой и рыбной ловлей, прибавляя к своей пенсии отличный паек. Как только мы перевели им слова о том, что у нас не видно никаких зверей, то начался общий вагонный спор. Одни говорили, что и очень хорошо, если не видно зверей, значит, слава богу, места пустого довольно: есть у нас куда спрятаться зверю, в этом просторе и есть именно наша слава, и нигде в мире нет ничего подобного, есть где по вольной волюшке разгуляться и человеку и зверю. Да и можно ли наших настоящих диких зверей сравнивать с немецкими и желать, чтобы наши лисы, как немецкие, выходили на станции встречать поезда? Навстречу этому чувству обычного бессознательного патриотизма молодой человек, зверовод с Алтая, заговорил почти с негодованием о легкомысленном отношении к зверовому хозяйству. До чего дошло: на Камчатке пришлось ограничить охоту на соболей. Только в советском хозяйстве можно регулировать отстрел и планомерно хозяйствовать, имея в виду не только нужные барыши ближайших лет, но создавать в природе колоссальные, неистощаемые резервы для самой же человеческой жизни. При плановом охотхозяйстве мы можем населять страну любыми зверями, соответствующими нашему климату: мы уже теперь

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
на севере выпускаем американскую крысу – ондатру и на юге тоже невиданного зверя
– американского бобра, нутрию..

Сибирские разговоры

Пройдет еще сколько-то времени, тракторов и автомобилей в Сибири явится столько, что как в Америке будет. Говорят, будто там все население можно посадить в автомобили. Тогда едва ли поэты и писатели будут много о них говорить, как теперь, но автомобили и тракторы повлияют на ритм жизни, и оттого поэты о тех же прежних звездах и лунных ночах будут говорить совсем по-иному. Да, конечно, раз солнце миллионы столетий было главной причиной жизни на земле, то и в ближайшие десятилетия оно не померкнет и о нем стихи будут продолжаться у новых поэтов, но ритм сибирских разговоров, конечно, переменится под влиянием тракторов и автомобилей.

Вспомните хотя бы урожай прежнего времени. Как он нам тогда представлялся: с гумном и счетом копен на бирках, током и загадками: летят гуськи, дубовые носки. Ритм жизни совершенно определенный. Пойдите найдите теперь новый ритм, определенный движением комбайнов и тракторов: тот же самый солнечный луч попадает через трансформатор нового времени. Надо уловить его движение и сделать жизнь, как делает зеленое вещество растений с тем же самым лучом.

Вот кончились степи, и насела тайга. Кто воспел ее до конца, как Пушкин великорусский календарь в своем «Онегине»? Где этот поэт, сказавший нам о тайге, как Лермонтов про звезды Кавказа или Гоголь о Сорочинской ярмарке? А если не сказано о тайге в ее исконном, родном, чисто таежном ритме, то неужели она вся будет истреблена неузнанная, непонятная в своем поэтическом размере... Возможно ли это?

Стали показываться кедр. Глухарь полетел. Немец сказал партизанам:

– Кедр очень хороши, но сосны много красивее.

Партизаны, жители этой тайги, все понимающие в се древней, никем не высказанной, не названной сокровенности, стали заступаться за кедр. Сколько животных, и каких только, не кормится в кедровниках: белки, соболь, куница. От этого маленького ореха зависит жизнь бесчисленных существ. Если бывает неурожай ореха, белка спешит вон из тайги, и птицы кедровки улетают далеко за Урал, в европейскую часть Союза, и мы здесь по кедровке за восемь месяцев до беличьего промысла можем предсказать, что нет ореха в тайге, и не будет, значит, белки.

А люди! Сбор орехов в тайге – это народно-сибирское дело, и недаром эти орешки называются сибирскими разговорами. Тут свой урожай, не имевший в прошлом певцов. На местах шелушения шишек женщинами, детьми остаются большие кучи из копытцев, или крышек, заключающих в кедровых шишках орехи. Конечно, в этих кучках остается много мелкого, ненужного людям зерна, и вот когда нападает снег, можно бывает видеть, как глухари, эти громадные птицы сибирской тайги, подбираются к кучкам с копытцами, добывают оставшиеся зерна и так продолжают начатое людьми шелушение, как в каком-нибудь кольцовском урожае продолжают в гумне голуби. Но глухарь не голубь, даже не куропатка, не рябчик, не тетерев: он совсем не выносит сближения с человеком. Это участие его в сибирских разговорах есть редчайший и, может быть, единственный пример сотрудничества с человеком.

Когда немцы услышали рассказ о копытцах, то очень его одобрили, а партизаны просили меня перевести по-немецки их ответ на слова о том, что кедр хороши, но сосны красивее.

– Сосны, – сказали партизаны, – красивы, но кедр – с орехами.

Евражки

Реки Западной Сибири надо представлять себе как громадные осушительные каналы, влекущие болотную воду в океан; чем севернее, тем почва болотистее, так что рекам этим течь, течь и не вынести болотную воду до «второго пришествия». Потому и нет никакого сомнения, что человек примется за искусственное осушение громадных пространств много раньше, чем само собой осушится. Но когда это будет? Пока же, слушая рассказы об этих местах, совершенно забываешь о каком-либо истощении запасов на неопределенно долгое время. Чего стоит, например, рассказ одного партизана, что для подбивки эвенских лыж идет кожа с колени молодого лося и что таким образом на одну пару лыж требуется восемь или девять лосей.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Река Конда, приток Тобола, в особенности славится девственностью своих болотных берегов. Дорожный техник, едущий с нами, говорил, что в этом году в центре впервые явилась мысль о проселочной дороге по этим кондовым местам, и для этих целей снаряжается теперь разведочная экспедиция. Этот же бывалый техник участвовал в проведении пути на знаменитые Алданские золотые россыпи и между прочим рассказал нам о евражках, или, по-нашему, сусликах, занятную историю. В иных местах Якутии будто бы скопцы очень усердно и с большим успехом занимаются земледелием, и у них сносно родится пшеница. Когда этот хлеб у скопцов поспевает, выходят из-под земли евражки и собирают к себе в подземные убежища зерно в колосках. Работа эта огромная, нужно выбрать самые тяжелые колоски, нужно их уложить один к одному, как у нас выкладывают товары в самых лучших магазинах. И вот, когда уберут с поля хлеб, а суслики закончат уборку колосков в своем подземном магазине, являются якуты-охотники и грабят магазины евражков. Выгодное дело. Говорят, будто бы за один пуд такого зерна дают три пуда обыкновенного. Дорожный техник, сам несколько похожий на небольшого грызуна, сумел так преподнести нам рассказ о животных своего собственного вида, что сочувствие наше целиком оставалось на стороне сусликов, вообще-то говоря, признанных вредителей сельского хозяйства. Вот в окне что-то показалось, а колесо уже обернулось; как бы так устроить, чтобы следующее мгновение поймать в себя?

Меня тревожит всякое пропадание, оно производит во мне опустошение. Вот возьми и сочиняй, прославляй какое-нибудь событие, если каждый живой случай при этом должен пропасть. Нет, не хочу ничего сочинять, хочу рассказывать только о том, что видел собственными глазами и как оно до меня доходило, а если чего не видел своими глазами, а слышал от людей, то так и буду говорить, что пишу по чужим словам и за полную правду не отвечаю.

Я хотел бы стать поэтом не только общего, но и случайного. В одно мгновение повертывается колесо вагона, и люди спят, а я ловлю жизнь. Вот моя дорога прошла, я пишу дома и второй раз еду по тому же пути и вижу ясно, как случаи мои складывались постепенно в событие.

Ведьмедь и Ярик

Только после Енисея начинается Сибирь, совсем не похожая на европейскую часть Союза, объединенная простейшим народным сказанием про озеро-море Байкал и реку Ангару. Байкал, по этим сказаниям, представляется нам как старый грозный колдун. И, правда, немного нужно воображения, чтобы представить себе, как этот колдун варит какое-то зелье на своих черных скалах. Ангара, молодая жена Байкала, – река самая прозрачная, самая холодная, быстрая и совершенно прекрасная. Однажды во время тумана Ангара вздумала убежать к Енисею, Байкал поздно заметил убегающую в тумане жену, швырнул ей вдогонку скалу, но не попал. Ангара ушла к Енисею, а скала и до сих пор торчит из воды при выходе Ангары из Байкала. Вот когда мы проехали Енисей и заметно началась какая-то совсем другая Сибирь, один из наших спутников, партизан Григорий Спиридонович Еврагин, простецкий малый, гигантского сложения, посмотрев в окно, вдруг на весь вагон крикнул:

– Товарищи! Глядите, ведьмедь!

Все бросились к окну смотреть дикого медведя, но, как в таких случаях бывает, пока бились у окна головами за место, медведь убежал и скрылся в тайге. Тогда другой партизан, Степа, маленький и веселый, сказал, указывая публике на своего громадного товарища:

– Куда вы лезете в окно, глядите ближе, ведьмедь сидит рядом с вами.

Все посмотрели на гиганта с маленькими глазами и улыбнулись, потому что это был действительно вполне ведьмедь.

– Миша, Миша, – погладил по голове маленький.

– Не тронь меня, Ярик! – добродушно огрызнулся Ведьмедь.

Вот после этого маленького происшествия Ярик и рассказал нам про Енисей, как убежала к нему Ангара и как Байкал пустил в нее огромной скалой и не попал.

– Врешь, Ярик! – сказал Ведьмедь. – Как же он мог не попасть, если скала и до сих пор торчит в Ангаре?

– Гриша, – ответил Ярик, – ведь это же – сказка, надо так понимать, что в сказке нельзя с точностью; если все в сказке передавать, как есть, она не будет манить.

Ведьмедь задумался и вдруг выпалил:

– Но почему же сказка не будет манить, ежели я скажу, что Байкал попал в Ангару, да не мог ее пришибить?

Все довольно смеялись, и Ведьмедь улыбался, понимая этот смех как торжество свое над маленьким Яриком.

Хорошие ребята. Славно мы ехали по Восточной Сибири.

Ангара

На остановке все бросились с кружками и чайниками, чтобы взять себе в Ангаре немного воды и попробовать, верно ли, как все говорят, что вода в Ангаре самая прозрачная и самая холодная. Все пробовали, восхищались, говорили, что правда, а некоторые бросали в реку монету и долго следили за ней в воде, почти такой же прозрачной, как воздух.

А какие берега! Вон лежит каменная плита, а на ней стоит – глазам не веришь – на голом камне стоит и как-то держится белая на черном березка, над этой плитой лежит другая плита, и на ней елка или сосна, и так все выше и выше, голову заломить, все плита на плите, все береза и ель, а когда шапка упадет с головы, то на самом верху увидишь – стоит замечательный ветродуйный кедроч. Раз увидел его – и навсегда останется в памяти его капризное сложение.

Волки

Когда мы насладились близостью прекрасной реки, сели в вагон и поезд тронулся, Ярик рассказал нам замечательные вещи о волках, слышанные им от охотников во время промыслов здесь, на Ангаре.

Однажды стая волков бросилась догонять казака, а он от них лататы. Но по зимнему снегу конь скоро стал приставать, и волки все близились и близились. Вдруг недалеко от дороги показалось полузанесенное снегом нежилое зимовье. Казак туда и коня тоже в избу ввел: дворик был открытый, не оставлять же коня голодным волкам на съедение. Затворился казак с конем, привалил что-то к двери, стал прислушиваться. Ничего не было слышно. Ночь наступила. Развел огонек и тут слышит, что-то глухо так тукнулось, еще и еще. «Тук» было несколько раз, потом все совершенно стихло, и только всю ночь мышка скребла.

Утром, когда рассвело, казак выходить боится, и правда, страшно, а вдруг волки тут где-нибудь неподалеку залегли и выжидают. В маленькое окошко видна только дорога, и то небольшой кусок. Вот видит казак, на его счастье, по этой дороге едет крестьянин. Казак открыл окошко и просит крестьянина обойти избушку, посмотреть по следам, куда делись волки. Крестьянин слез с лошади, недолго ходил и зовет казака. Вылез казак. Крестьянин стоит с кнутиком и глядит вниз сверху во дворик. Взобрался туда казак и все сразу понял: это, что вчера вечером глухо тукало, то волки скакали вниз во дворик и теперь все с поджатыми хвостами, уткнув морды в землю, искоса изредка поглядывая, сидели там один к одному. Как раз возле дворика стояло высокое дерево. Казак сделал из веревки петлю, через сук перекинул, стал ловить и вешать волков, приговаривая: «Вот, голубчики, то вы меня ловили, а теперь переменялось навыворот, я вас ловлю».

Верно ли это было? Нам понравилось тем, что волчьи повадки представлены верно, да и каждый зверь, попадая в плен, делается как бы сам на себя не похож. Этим всем нам Ярик угодил, но Ведьмедь промолвил:

– Арап!

– Что ты сказал? – переспросил Ярик.

– Заливаешь, Степа.

Все заступились:

– Рассказ на ять!

- На большой палец!
- На два больших пальца! Давай еще что-нибудь.
- Сам ты арап! – победоносно ответил Ярик и снова принялся рассказывать.

Таинственный ящик

Однажды на известной волчьей охоте с поросенком вывалился охотник из саней так, что ящик с поросенком, падая, одновременно прикрыл поросенка и охотника. Волки, конечно, сразу почуяли добычу под ящиком и окружили его со всех сторон, чтобы живое не могло никуда от них убежать.

Охотник тоже башковитый был человек, сообразил: поросенка он потихоньку отдаст им из-под ящика, волки подумают – все тут, займутся, а он за это время что-нибудь еще придумает. Вот выпихнул он поросенка, а сам пополз в сторону, прикрываясь ящиком, как черепаха. Волки вмиг разорвали поросенка и сразу же обратили внимание на уползающий ящик. Бросились, окружили, а башковитый охотник, поняв над собой волков, выдумал уходить от них не в сторону, а вниз. Сугробы снега были в ту зиму огромные, вот он и стал зарываться в сугроб, а ящик, конечно, понемногу вслед за ним опускаться. Есть у зверей много того, что мы зовем у людей суеверием. Беги ящик в сторону, все понятно было бы, а ящик стал вниз уходить... Как это понять? Волки окружили ящик, свесили языки, так и этак скосят морды, ящик все глубже и глубже. Ну, делать нечего, подобрали волки языки, стали в очередь, старший помочил ящик, за ним другой, третий. А тут и помощь подоспела.

Было ли так именно или не так – все равно, привычки зверя в этом рассказе схвачены очень верно. И подобный случай был записан в Калужской губернии, в селе Брынь: там волки обошлись с одной старухой точно так же, как с ящиком.

Байкал

Посмотреть бы с высоты байкальских береговых гор на поезд. Какой он, наверно, оттуда игрушечный. Впрочем, зачем с высоты, везде и всюду, чуть одала, сцепленные вагончики смешны своей миниатюрностью. Вот, кажется, паровоз неминуемо должен разбиться о скалу, но, смешная вещь, детский поезд, оказывается, как ни в чем не бывало ныряет в мягкую скалу, вот выбрался из одной, и другая скала тоже мягкая: сорок с чем-то туннелей... Но самое замечательное в таком игрушечном поезде, это – что у каждого окна сидят люди, настоящие, живые, но без всякого дела сидят и целыми днями, неделями думают. И так трогательно видеть бывает, что вот малейший какой-нибудь, просто живчик, вечно в жизни мелькающий на мышиных ходах, тут тоже сидит у окна и тоже думает. Невозможно не думать: человек сначала завлекается видами, а они очень скоро примелькаются – вода и горы, тогда утомленные глаза глядят, а не видят. Вот тогда поневоле у каждого рождается мысль, большей частью, конечно, о себе, о своих родных, знакомых. Являются разные догадки, вопросы, и у многих громадный интерес к другому человеку, чтобы разузнать, как у него решаются все эти загадки, вопросы.

Каждый пассажир непременно проделывает этот путь от природы к себе и от себя к другому человеку.

Следишь за собой, и тоже, конечно, как все. Даже вот и книжку читаешь, и то не просто: книжка совершенно случайно пришлась такая именно, какую нужно читать у Байкала. Эта книга была у меня «Новая Даурская земля», рассказ о том, как устюжский предприимчивый гражданин Хабаров Ерофей Павлович в половине XVII века явился с казаками в Даурию за соболями...

От книги переводить глаза туда, где шли когда-то эти казаки.

Туман расходится, открывается на вершине скалы ветродушный кедрчак, принявший образ лица старого колдуна. Вон там свился туман, и как будто стройная женщина скользит по воде. Не Ангара ли это бежит к Енисею? Туман расходится, открывается громадная щель в скалах, байкальская падь.

Нерпа

Сообразить, конечно, легко, что такое падь, но когда сам увидишь своими глазами упавшую стену скал, отчего получается в черной общекбайкальской горной стене как

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
бы трещина, то слово «падь» получает и цену совсем другую. Из таких падей на Байкале ветер дует с такой силой, что вступает в спор даже с самим господином сибирским морозом и лед трескается.

Тогда через трещину во льду вылезает нерпа. Человек делает парус, похожий на льдину, надевает на колени коньки, на каблуки – тормоза и так подъезжает на винтовочный выстрел.

Голомянка

Услышав этот рассказ о нерпе, задумчивый человек у окна вдруг что-то вспомнил и очень обрадовался поводу отделаться от своих, наверно, невеселых дум. Он рассказал нам о какой-то удивительной байкальской рыбе – голомянке, что будто бы эта глубоководная рыба на солнце превращается в жир, растает, и нет ничего, только жирное пятнышко.

Неужели это правда, и есть такая рыба на свете?

Шаман

Еще рассказал один гражданин, что будто бы есть на Байкале ключ в плюс пятьдесят градусов, и что возле этого ключа и зимой растет зеленая трава, и на теплом этом месте всегда раньше шаман сидел. Теперь его раскулачили, шаман ловит рыбу, как все.

Соболь

На одной остановке к нам подошел какой-то ученый человек в очках на монголоподобном лице с очень приятным выражением осмысленной энергии. Нам, вероятно, очень примелькалось лицо европейского ученого, окруженного целым штатом ученого причта, необходимого в помощь делу похищения Прометеева огня. На монгольском лице эта Прометеева серьезность как-то прямо, без всякой посредствующей гримировки, прикладывалась на древнюю желтую глину лица.

Я любовался Дауровым, открывая в его неправильном монгольском лице черты желанного мной человека, а он рассказывал нам об одном ужасном случае при охоте на соболей в Саянских горах.

Партия охотников за соболями должна была перевалить занесенный снегом хребет. Но снежные заносы так изменили картину горного рельефа, что охотники за соболями потеряли направление к единственному безопасному месту перевала. Так часто бывает зимой, что ветер, постоянно дующий в одну сторону, к какой-нибудь настоящей каменной горе придувает целую такую же гору, только ложную, гору снега пухлого, не оказывающего ноге никакого сопротивления; если с твердого кто-нибудь станет на эту ложную гору, то человек этот летит в бездну, скрытую снегом, и охотники говорят на своем языке в таких случаях: пал под надым (вернее сказать бы надо было: под надув).

Так вот целая партия охотников на соболей шла гуськом на лыжах, как полагается, чередуясь в смене первого лыжника, пробивающего с большим трудом путь для других. В лицо им была снежная буря, как это почти постоянно бывает на перевалах, и каждый сзади идущий лыжник не видел переднего. Возможно и так было, что идущий впереди лыжник, достигнув перевала, исчезал, и следующий за ним думал, что исчезал он просто оттого, что перевалил на ту сторону горы. На самом деле каждый летел под надув, в снежную бездну. И так вся партия соболятников ушла под «надым».

Вслед за ними на другой день к тому же самому месту подошла экспедиция ученых и, когда на их глазах бегущий впереди изюбр пал под «надым», явилось подозрение, стали внимательно разглядывать снег и по темному намеку отрыли под снегом у самой пропасти лыжу одного из павших под «надым» соболятников. Это спасло экспедицию.

Вот как достаются соболя. Нельзя было не обратить внимания, что в дальнейших рассказах Даурова о ловле соболей не было ни малейшего обычного преклонения образованного человека перед вековым навыком в следопытстве человека примитивного.

Эвенки

Говорят, что эвенки – это родственное племя даурам, если даже не сами дауры.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Об эвенках много рассказывают. Эвенк – это самый легкий, выносливый охотник: стал на лыжи, пошел в одной куртке и целыми неделями пропадает в тайге, и ему там везде дом.

Как он охотится? Вот убил изюбра. Мясо подвесил на дерево, и тут ему дом, а сам пошел за пушниной. Настрелял много белок. Вернулся к дереву по чужому следу. Оказалось, был какой-то человек и поел его мяса. Эвенк увидел это и заметил себе: «Был хороший человек». Охотник подвесил белок рядом с мясом, поел, отдохнул и пошел на куниц и соболей. Когда вернулся, видит, был другой человек, поел мяса и взял несколько беличьих шкурок. Эвенк заметил себе: «Был человек бедный, ничего...» И в третий раз какой-то новый гость взял всех белок, а мясо не тронул. Тогда, наконец-то, хозяин сказал: «Был худой человек». Не потому, конечно, худой, что белок взял, а потому, что, будучи сытым, их взял.

Сон эвенка

Встреча с учеными была мне огромной находкой, и, забывая всех присутствующих, мало-помалу мы перешли в разговоре черту, за которой всем другим слушать было скучно. Необыкновенно живой и талантливый Ярик, выждав, когда мы закончили этнографический разговор об эвенках, начал рассказывать свои собственные наблюдения из жизни этих охотников.

Ночью будто бы эвенки почти все поют во сне, и так, что один запоеет, а другой подтягивает, а если разговаривают, то с полным смыслом, и тоже во сне. Раз шли муж с женой и не дошли до того места, куда им надо было. Пришлось развязать мешки, он залез в свой, она – в свой, и заснули. Он запел во сне, и она запела согласно. Спят и поют. Это услышал медведь.

– Заливаешь! – ввязался Ведьмедь. – Зимой медведь в берлоге лежит.

– Нисколько не заливаю, – ответил Ярик, – в этот год в тайге всю ягоду на цвету мороз побил, и медведям нечем было кормиться, медведи остервенели и набросились на скотину и даже на человека. Ничего не заливаю, доведись и до тебя самого, ежели есть совсем будет нечего.

Это было еще неглубокой зимой, выпал снег, а медведи еще лечь не успели: так бывает. Вот медведь услышал, что человек поет, пришел к мешку, развязал веревочку и выволок эвенка из мешка... Медведь ел мужа, а жена пела.

– Ну вот, я говорил, что заливаешь, – сказал Ведьмедь, – ты не можешь без этого.

– А ты можешь?

– Конечно, могу, – и стал рассказывать.

Сочинение

– Вот истинная правда. Жил-был не очень давно в прибайкальской тайге один старик, охотник. Сам был очень стар и промыслом добывал мало, жил больше тем, что давал приют у себя другим охотникам, разным любителям, и они его поддерживали. Вот однажды, перед самой зимой, только бы медведям ложиться в берлоги, волки целой стаей погнались за медведем, и тот, спасаясь, внесся в избушку к старику, в сенцы, и дверь за собой прикрыл лапой. Дед услышал шум, слез с печи и видит: медведь стоит в сенях и дверь лапой держит. Глянул в окно, а там волки, сила несметная. Вот он пятится, пятится к стене, где винтовка висит, а сам глаз не спускает с медведя и ласково так говорит ему: «Миша, Миша, погоди!» Кое-как добрался старик до ружья, наладил его, конечно, не в медведя, а на волков; ударил в волка, а сам медведю: «Миша, Миша, погоди!» Медведь же сразу понял, что дед бьет по волкам. Девять волков было убито, а другие все разбежались. Тогда медведь лапу отпустил и дал себя покормить. Раз от разу и привык, стал жить в избушке с дедом. А на всякий случай, если бы медведю захотелось уйти, дед надел на него белый ошейник и просил всех охотников не стрелять его никогда.

– Вот это – уж правда, вот истинная правда, – сказал в заключение Ведьмедь, – говорят, это даже в какой-то газете или книге напечатано было.

– В книжке было! – воскликнул Ярик. – Значит, это просто сочинение...

– Ну да, сочинение, значит был настоящий сочинитель и, как было, все по истинной

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
правде зафиксировал.

Воробьи в бороде

В это время из коридора отозвались старые политкаторжане, биолог Иван Иванович и простой человек, обученный им по дружбе, Маркелыч. Оба старика с одинаково рыжими по седому бородами, похожие друг на друга, как супруги бывают похожи к золотой свадьбе, обратили внимание всех в поезде каким-то особенно любовным, предупредительным отношением друг к другу.

Маркелыч сказал:

– Было это в газете или нет, все равно: такое с медведем вполне может быть и наверно в газету попало из жизни. Вот у нас на каторге один медведь с запиской во рту на склад ходил, ему отпустили железо, и он его пер. Но только одно было: если услышит звонок к обеду, бросает железо и бежит, и тогда уж заставить его принести это железо было нельзя.

– Медведя-то совсем немудрено приучить, – сказал Иван Иванович, – а вот этот самый Маркелыч крыс обучил у нас на каторге так, что они давали себя в тележку запрягать и возили легкую поклажу.

– Ну, что это, – вмешался Ярик, – медведь, крысы, – все это Дуров и без каторги в сто раз лучше делает, а я знал одного старика, вот какой древний, вас, обоих политкаторжан, вместе сложить, так выйдет как раз только так, и у этого древнего старца под бородой постоянно жили два воробья.

Ходовой зверь

Когда Ярик сказал, что у старика под бородой жили два воробья, Ведьмедь очень обрадовался и с большим увлечением спросил:

– Неужели и яйца несли?

– Ну вот, – ответил Ярик, – а ты говоришь, что рассказы мои курам на смех. По-твоему так выходит, что ежили сочинитель и образованный человек в книгу напечатал, то это – правда, а если я на словах правду скажу, то это – ложь. Знают ли твои медвежьи мозги, что ежили я возьмусь сочинять, то не спеша буду ехать на санях три дня по твоим медвежьим мозгам, соломой набитым, три дня сочинять, и ты все будешь за истинную правду считать? Ты можешь только об известном рассказывать: медведь, сохатый, изюбр, коза. А я тебе в тайге такого зверя сыщу, что сам черт не скажет, какой это зверь. Раз было, я тогда служил в пограничном отряде. Ну вот, едем раз по тайге шагом с товарищем возле самой границы контрабандной тропой. Тайно едем, говорить нельзя, курить нельзя. Полная тьма в тайге, нас кони сами по тропе ведут. Слышу, лезет, трещит, ближе, и вдруг как обдаст меня всего горячим дыханием. Есть верное средство против такого наваждения в лесу – крепко выругаться, но тут сказать товарищу опасно, а не только ругаться. Он же подобрался, привалился к лошади и рядом идет. Тяжко, лошадь дрожит и храпит...

– Какой же это зверь привалился, неужели медведь?

– Ну да, поди-ка, станет тебе медведь приваливаться, и как это возможно?

– Сохатый?

– Да, сказал...

– Чего же ты не стрелял?

– Как же тут стрелять, ежили даже и говорить и курить нельзя?

– Знаю, – сказал Ведьмедь, – это барс!

– Ты лучше скажи – заяц. Барс! Да ведь барс не больше средней собаки, а он к моей коленке привалился, а я верхом сию на высокой кобыле.

– Ах, на кобыле, ну так знаю, – сказал землемер.

– Знаешь ты! – продолжал Ярик. – Я вот сам не знаю, а ты знаешь. Так вот еду я

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru назади, и товарищ едет впереди, и он ничего не знает, и я дать знать ему не смею. Слышу, он отпустил мне ногу немного и рядом идет. Вот я эту ногу свою отвел кобыле к хвосту, а сам пригнулся, левой рукой у лошади крепко шею обнял и правой ногой кожаным носком со всего размаху как дам ему в брюхо! Ух, как он кохнет: «Хох, хох, хох!» – и затрещал, потом остановился в чаще и кашлять стал. Вот уж он харкал, вот уж он харкал, а потом опять затрещал, и все было слышно уж километра с три за монгольской границей. Так я тут сообразил, что был это какой-нибудь монгольский ходовой зверь.

– Как ходовой?

– Это известно. К нам из Монголии все ходовые звери идут: и коза ходовая, и сохатый, и барс.

– Вот я сразу догадался, – сказал землемер, – как ты сказал, что зверь был ходовой из Монголии и что ты на кобыле ехал, это дикий жеребец был, кулан: он не к тебе, он к кобыле.

– Мало ли всякого зверя в тайге, – спокойно сказал Ярик, – я не знаю, кулан так кулан...

До того напряженно все слушали интересный рассказ пограничника, что немцы обратили внимание и очень просили перевести это на немецкий язык. И вот, лишь когда, переводя этот вздор, я дошел до неизвестного зверя вроде кулана и встретился с трудностью передать на немецкое слово «кулан», вдруг чары сочинителя прекратили на меня свое действие, и я понял, что Ярик, конечно, все выдумал.

– Неужели же все выдумал? – спросил я его с большой завистью.

– Ну, так я же с этого начал, – ответил Ярик, – я сказал, что три дня буду на санях ехать по медвежьим мозгам, рассказывать, сочинять, и все он будет за правду считать.

– Сволочь ты, – ответил Ведьмедь, – и больше ничего. Михаил Михалыч, дай ему в морду!

Первый сибирский рассказ о человеке

– Дорогие товарищи! – сказал избач. – Заявляю вам свой решительный протест: мы уже счет дням потеряли, сколько едем; видели мы город Свердловск, на Урале, и там не сотни, а тысячи труб и небоскребов поднимались, – сколько бы полезного можно было сказать о человеке, о старом и новом времени, а вы говорили о звере. Мы спустились с Урала в плодороднейшие равнины, на которых выросли гигантские совхозы с сотнями тракторов в каждом хозяйстве, – какая это сказка или сон наяву, если только представить себе недавнюю соху или, в лучшем случае, одноконный плужок, а вы до самого Новосибирска говорили о звере. Красноярск на Енисее, Иркутск на Ангаре, триста километров ехали берегом Байкала, и все зверь и зверь без конца. Вот скоро Яблоновый хребет, въезжаем в область вечной мерзлоты, необъятная тайга вокруг нас. Предлагаю в разговорах дальнейших установку на человека, выяснить нам, что есть человек сам по себе и в отношении к этой необъятной тайге.

Этому повороту я очень обрадовался и, вдохновляясь книгой Арсеньева «В делях Уссурийского края», попробовал начать.

– Вот один человек в тайге заметил другого и спрятался за дерево, другой тоже заметил и тоже спрятался, оба держат винтовки наготове, и не хочется убивать, а надо – другой может убить. К счастью, густо в тайге, от дерева к дереву, дальше, дальше, и разошлись без выстрела и без поклона. И ушли навсегда, больше нигде, никогда не встречались. А у нас в Москве такая мука с жилплощадью. Так ли я понимаю тайгу?

– Так, – ответил Ярик, – только бывает, что нельзя разойтись, тебе надо уложить или же тебя уложат. В том и другом случае я считаю, что у вас в Москве и повсюду преувеличивают значение подобных событий. Позвольте, вот я расскажу, как мы, партизаны, воевали в тайге. Был у нас отряд в двести человек, шесть пулеметов при нем, две трехдюймовки и ручной медведь.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– И у нас был ручной медведь! – отозвался другой партизан.

– Ну вот, так и знал, – огорчился избач, – опять пошло про медведя.

– Нет, успокойся, – сказал Ярик, – я все выведу на человека. Медведь этот был у нас приучен к трехдюймовкам снаряды подавать.

– И у нас подавал.

– Ухо рваное?

– И у нашего рваное, левое!

– Левое. Он!

Партизаны страшно обрадовались, и вдруг оказалось, что работали в одном и том же отряде, только разминулись во времени: одного взяли в плен белые, а другой, Ярик, вскоре после того в этот отряд пришел с Невера и тоже затем в плен попал.

– Ну вот, – продолжал Ярик свой будто бы человеческий рассказ, – повели меня, и я, конечно, знал, зачем повели, и пока шел, то во всем мне как будто ужасная спешка была, все внутри ходуном так и ходило, дергался я, матершинничал и так это ну не мог и не мог переварить, что так-таки – стук! и кончено. Потом слабость явилась, пот выступил, стало спокойно и все равно.

Подняли они винтовки, гляжу равнодушно и вижу, выходит наш собственный Мишка на задних лапах и в руках, словно подсвечник, держит пустой стакан из-под снаряда. Ну, я, конечно, засмеялся, и так бы мне с этим смехом из мира сего удалиться. Но вдруг, когда я засмеялся, особенно через этот смех, по-моему, и произошло помрачение ума, – когда я засмеялся, один из них ружье опустил и другому велел не бить. Конечно, может быть, и пьяные были... «Стой, говорит, не бей, ведь это, кажется, наш Иван Петрович». А я все стою и смеюсь на медведя. «Иван Петров! говорит. Это ты?» – «Я», – говорю. «Где же, спрашивает, Кузьма?» – «Какой такой, – думаю, – Кузьма?» – а сам без задержки отвечаю: «Кузьма пошел до ветру и не вернулся». Осмотрели меня и говорят: «Вроде как бы Иван Петров, а вроде как и не он». Отвели меня в сарай дорасследовать, а я в ту ночь убежал. К тому рассказываю, что много врут и преувеличивают: в последнюю минуту не страшно...

Второй сибирский рассказ

– Ну да, рассказывай, не страшно. Так случай вышел, подвернулся знакомый медведь со стаканом. А вот как нас вывели босых на мороз, стоим час в ожидании, зубы: дыр-дыр-дыр, стоим другой, зубы: дыр-дыр-дыр. Тебя бы перед смертью так выдержать хорошенько, так не засмеялся бы. Эх, ну зато и отплатили мы!

– Каким же способом отплатили? – кто-то спросил.

Ведьмедь промолчал. Но через некоторое время сказал:

– Всячески было.

– И свою собственной рукой?

– Было. Наша батарея была за сопкой, под сопкой село, и в селе был батька. Раз вечером мы с товарищем нарядились в белогвардейские мундиры и пошли к батьке в гости. Увидел нас поп и обрадовался и зашептал испуганно: «Красные рядом!» – «Красные, где?» – спрашиваем. И он прямо в точку. Сердце у меня скверное, хотел было на месте уложить его, но товарищ удержал. Попадья несет курицу, вино, студень. Сердце у меня неважное, не могу ни есть, ни пить, до того мне противно смотреть на попа. Переночевали и на заре просим попа провести нас к батарее, показать. Он это живо собрался и, конечно, местный житель, так искусно провел нас к самым батареям. Идем распадком, подкрадываемся, поп впереди. Ах, и скверное у меня сердце! До чего же мне противно стало: поп – и на такое дело идет. Не поверите, я раз десять за наган хватался, и все меня товарищ удерживал. Ну, нестерпимо, что только может вынести человек, выносил я ненависть страшную. Ну, подошли мы вплотную, и вдруг этот поп перевел глаза на нас, понял, побелел. Теперь идем уж мы впереди, он плетется назад. Поставил я его перед самым орудием и дал...

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Из пушки!

– Ну, ничего не осталось, воздух и все.

– Не воздух, а земля, – поправил Ярик, усердно копаясь в своих волосах. Потом этими же пальцами взял пыль с подоконника, взгляделся в нее, вдумался и спросил:

– Как это называется, где трупы сжигают?

– Крематорий.

– Ну да, вот крематорий, сожгут тебя, останется вот это. – Ярик дунул на пыль между пальцами и сказал: – Вот вам и человек!

Случай

Колеса вагона вертятся вполне равномерно, без всяких проскоков и заминок, но в голове все наматывается случайными обрывками, и кажется, будто все эти случаи где-то живут самостоятельной жизнью, приходят к нам независимо от нашей воли: случай к случаю приматывается в голове на катушку без всяких скреп. И так сколько же всего намоталось, пока колесо вагона закончило последний миллион оборотов и остановилось во Владивостоке на отдых?

Теперь я разматываю катушку, подбираю случай к случаю, как кинорежиссер, сцепляю их между собой, как поезд, склеиваю в цельную ленту и таким образом второй раз путешествую, открывая единство жизни в случайном, создавая из бесчисленных случаев событие единое и закономерное, соответствующее фактическому продвижению колеса от Москвы до Владивостока.

Вот был случай. Все теперь поймут в нем веяние событий на Дальнем Востоке, хотя в то время Япония еще не начинала с Китаем разбойную войну за Маньчжурию. Тогда этот случай наматался на мою катушку, по всей вероятности, потому, что я читал в дороге взятую с собой случайно книжку о походе Хабарова в Даурию: из-за этого я понял в нашем спутнике-китайце даура, стал на его сторону и наматал себе случай на ус. Было это, когда мы находились в сердце Даурии, на переезде к станции «Ерофей Павлович». Случилось, с верхней полки упал большой чемодан от рывка паровоза, чемодан превосходный, с личной этикеткой под слюдой заграничного инженера-геолога, высшего специалиста по золоту. Тяжелый чемодан, падая, конечно, привлек наше общее внимание, и тут все мы заметили, что там, где упал чемодан, в уголке сидел не замеченный нами совсем особенный маленький пассажир. Сколько он времени тут сидел, на какой сел станции, никто бы из нас не мог сказать. Возможно, и это вернее всего, он сел на какой-нибудь станции ночью. Но если бы кто-нибудь стал утверждать, что пассажир этот едет с нами давно, едва ли тоже стал бы кто-нибудь отрицать, до того этот пассажир был маленький, как бы очень уемистый, обладающий особенным даром не привлекать на себя внимания. Это был китаец, и чемодан инженера, падая, задел его и даже повредил ему палец. Наш Ведьмедь, имевший понятие в фельдшерском деле, взял его крохотную ручку и, разглядывая поврежденный палец, стал на него дуть.

– Как тебя зовут-то? – спросил он китайца.

– Иван Андреевич, – ответил тот.

– А по фамилии?

– По фамилии Кузнецов.

– Как же это может быть?

– Так, ладно.

– Да ты не обижайся, Ванюша, поплюй на руку, перестанет болеть. Скажи лучше, откуда ты взялся?

– Лючче я помолчу, – ответил китаец.

Ведьмедь подумал, что он плохо понимает по-русски, и спросил:

– Откуда твоя ходи?

– Китай, – спокойно ответил Ваня.

Удовлетворенный Ведьмедь вдруг забыл, что ему надо было от китайца и зачем он вообще завел этот разговор. И так, не зная, что еще сказать, он молчал и улыбался ласково и добродушно, как бывает с самоваром: угли кончились, а пар еще идет, и он еще совсем горячий стоит и молчит. Мало-помалу все насмотрелись, и этот юноша с желтым, матовым, как бы точеным из пальмы и хорошо полированным лаком лицом, с живыми, как у птицы, глазами и милой улыбкой стал было опять исчезать в свойственной ему прикровенности. Но тут приходит инженер, ему показывают чемодан и китайца, говорят, что вот пришибло, поранило руку. Инженер осматривает внимательно чемодан и сдувает с него пыль прямо в лицо китайцу, ему только бы чемодан, он весь в чемодане, и такой он резко заметный, а китаец такой прикровенный. Разного рода бывают неловкости. Вот какой есть в Европе человек, живущий для своего внешнего вида, и так у него все выходит, что твои же идеалы, как будто уже решено – недостижимые, тут во внешнем виде осуществлены, и тебе очень неловко в этом обществе именно потому, что твое-то внутреннее, гораздо лучшее, но не осуществлено и ты не можешь показать его и противопоставить этому внешнему, но мертвому. Хочется сказать: у меня там тоже чисто внутри и там самое главное. А сказать такому бессмысленно, и вот лучше просидеть незаметно, и немного осталось проехать, а тут вот на! – чемодан на голову и пыль в лицо...

Мы это больше за себя самих под предлогом китайца постояли, но и китайца в обиду не дали владельцу чемодана. Самое главное, чем именно и записался в моей голове этот случай, что ночью под стук колес вспомнилось далекое детство, и в нем, как сон, такое смутное представление: монгол с широким окровавленным мечом – ужасно страшно! – а европеец, напротив, что-то очень хорошее: рыцари, герои, гладиаторы. Так вот учили, и складывалось в определенное сознание, а вот теперь разбирайся: вместо монгола с широким мечом – маленький симпатичный человек, близкое существо, а напротив важный, надутый человек с чемоданом. Перемена огромная.

Голубь жизни

Какое прекрасное утро, чувствую, будто голубь жизни радостно встрепенулся в груди, и оттого захотелось собрать к большому столу много приятных людей, рассказать им про все, слушать и особенно взять бы да всем вместе запеть. Но невозможно собраться, и оттого вместо хора я стою один у окна и сочиняю...

Вдыхаю в себя несущийся откуда-то из девственной тайги воздух с ароматом скипидара. Потом, когда я перешел в вагон-ресторан, то увидел, что проводник протирает подоконники скипидаром, и, значит, так он у нас тоже протер, а я нюхал этот обыкновенный скипидар и наслаждался, воображая, что вдыхаю ароматный воздух девственной тайги. И есть такого рода поэзия, иллюзорная и как бы трагическая, на самом же деле пустая поэзия, основанная на невежестве и традиционном противопоставлении поэзии знанию, было, мол, поэтично, а вот узнали, и поэзия кончилась. Была тайга девственная, пахнувшая скипидаром, а оказалось, не тайга пахнет, а подоконник, натертый скипидаром. Но почему бы, зная про скипидар подоконника и начав с того, что проводник им натирает окно, я не могу перейти к скипидару деревьев в распаленной горячим солнцем хвойной тайге? И почему тоже, зная по науке о луне, что она большая и холодная, отдав должное этому знанию, не могу я оставаться в интимной жизни с луной как с обыкновенным привычным мне сияющим медным тазиком? Скорее всего это происходит от младенчества: узнал причину, и качество скрылось, причина съедает качество: листья только что одетой березы так музыкально шумели зеленым шумом, но оказалось, что все дело в хлорофилле, и, значит, нет никакой музыки, и это только так казалось, пока не прочел курс ботаники.

Население устроилось жить возле больших рек; какой ему, правда, расчет устраиваться в сибирских-то условиях возле этой, пока единственной линии железной дороги! Сегодня еще меньше признаков человеческой жизни, чем раньше, а в неприкосновенной траве всюду громадные цветы; особенно интересны мне были очень темные, черно-лиловые сильные ирисы. Но надо правду сказать, что на всем громадном пространстве, в тысячи километров, все-таки господствует один всем известный у нас цветок – «иван-чай». На телеграфной проволоке сидели птички, до крайности маленькие и мне совсем неизвестные. Наши вороны давно исчезли и начались черные, как грачи, настоящие наши же вороны, но в грачиных перьях. Больше же всего мне понравилась одна речка, через нее была веревочка, стань на плот, потянись за веревочку, и сам переедешь на другую сторону. Конечно, стоишь

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru у окна и про себя потянешь, и будто переехал, пошел в тайгу и начал там открывать новое, сравнивать их траву и нашу, их цветы и деревья, запахи, землю мысленно берешь, растираешь между пальцами, понюхаешь. Земля ведь тоже по-разному пахнет.

Даурия

Читаю в пути жизнь протопопы Аввакума в Даурии и с удовольствием в этом фанатическом проповеднике вижу самого живого человека, когда он рассказывает о природе Даурии.

«Горы высокие, дебри непроходимые, утесы каменные, яко стена стоит, и поглядеть, заломя голову. В горах тех обретаются змеи великие, в них же витают гуси и утицы, перья красные, тамо же вороны черные, а галки серые, измененное против русских птиц имеют перие. Тамо же орлы, и соколы, и кречеты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, многое множество птицы разные. На тех же горах гуляют зверие дикие: козы и олень, изюбри и кабаны, волки и бараны дикие, воочию наши, а взять нельзя».

Это из жития. Он ехал сюда из Москвы в ссылку пять лет, а три года ехал назад.

Золото

Видели знаменитую Шилку, составляющую вместе с Аргунью великую реку Амур. Проезжаем мимо и переезжаем поперек множество малых речек. Берега всех этих горных речек и ручьев представляют собой цепи сопков, покрытых лесом.

Было раз, мы стояли у окна, горный инженер говорил с нашими старателями о золоте, и вдруг около самой линии между лесистыми сопками на ярком солнце сверкнул ручей.

– Смотрите, – сказал инженер, – вон там, между этими сопками, непременно должно быть золото.

– Моет! – ответил один из старателей, и другие только не сказали, но как-то все в одно мгновение, только взглянув на сверкнувший ручей, поняли, что сейчас там где-то промывают золото. Что золото было в сопках, об этом можно было догадаться по множеству шурфов у подножья горы, но что именно вот в этот момент кто-то промывает золото, об этом узнать по взгляду, казалось, можно лишь какому-то чародею.

– Как вы узнали? – спросил я волшебников.

– Чего проще, – засмеялись они, – вода-то в ручье бежит мутная, а разве вы не заметили?

Они смогли даже почти наверняка сказать, кто промывает вверху золото: конечно, вольный человек, или, по-здешнему, хищник.

И вот опять шурфы показались, ручей, опять инженер:

– Золото!

И теперь я сам разглядел, вода в ручье была явно мутная.

– Моют? – спросил я.

– Золотое дно, – сказали старатели.

Ерофей Павлович

Вот уж как удивительно и как интересно, железнодорожная станция названа человеческим именем и даже по имени и отчеству – Ерофей Павлович. Взгляните на сибирскую карту и вы сами увидите, и на карте будет со всей серьезностью географии, – значит, еще чуднее, – напечатано: Ерофей Павлович.

Но вот недалеко отсюда есть город Хабаровск, и Хабарова, первого завоевателя Даурии, тоже звали Ерофей Павловичем, – кто же не подумает, что станция Ерофей Павлович названа именно в честь казака Хабарова? И поэтому я на вопрос китайца о происхождении странного названия станции так и сказал, что названа, вероятно, в честь казака Хабарова. Между тем, кажется, это неверно. Иностраный инженер,

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
несколько лет уже работавший в этом краю, резко поправил меня:

– Не казак, – сказал он, – а каторжник беглый, в честь его и названа станция Ерофей Павлович.

Он выпил изрядно рислингу, и тон его мне не понравился.

– Вот посмотрите, – сказал я, показывая книгу «Новая Даурская земля», – на каждой странице напечатано: «Ерофей Павлович».

Инженер сказал мне по-французски:

– С известной точки зрения казаки и каторжники – одно и то же.

На это я ответил бельгийцу, что с известной точки, пожалуй, и бельгийцев можно назвать каторжниками.

Так вышла эта маленькая война.

Невер

Автобус на золотые промысла Алдана идет от станции Невер. Тут сошел не только мой враг инженер, но и друзья, добродушный Ведьмедь и талантливый Ярик. Сразу же стало без них пусто, и вдруг уже забытый в уголке китаец сказал:

– Мне у вас очень нравится.

После долгого молчания и моего немого вопроса он объяснил:

– У вас нет мандаринов и богатых купцов, все одеты у вас просто, и едят у вас почти одно и то же все, и можно подойти к каждому, и он будет говорить, о чем только захочется, и все это оттого, что нет классов, и этого нет нигде на земле.

Так вот китаец говорил, а мне-то и в голову не приходило, что у нас в поезде как-то особенно хорошо и что эта простота отношений явилась вследствие принципиального решения уничтожить классы. фронт, конечно, велик, а участок, отведенный для каждого бойца, очень мал, кажется, убираешь за кем-то без конца, а он-то на тебя и не оглянется и не даст посмотреть на себя с лица... А вот пришел человек со стороны, из Китая, и наслаждается, не видя вокруг себя мандаринов.

– Вам, – ответил я, – со стороны видно лучше.

И на это он с убеждением:

– Конечно, лючче.

Река Амур

Мы недалеко от Хабаровска и скоро должны увидеть великую реку Амур. Иному довольно прочитать о чем-нибудь и все: смотреть незачем, он знает. А я полстолетия слышу «Амур», полстолетия читаю и ничего не могу понять, ни сказать, пока сам не увижу своими глазами. Два разных типа людей, как будто с двух разных планет. Один в трепете ждет, чтобы после всю жизнь говорить: «Я видел Амур!» Другой читает газету и равнодушно слышит потом: «Амур проехали!» Для меня не только важно, что сегодня я вижу Амур, а мельчайшие подробности земного ковра, по которому теперь где-то совсем уже недалеко идет, да, конечно, нельзя про такую реку сказать бежит: Амур не торопится! – нельзя даже сказать, что течет, все реки текут и струятся, но Амур-река идет. Вот я теперь видел, как он идет, и говорю, а если бы не видал, то сказал бы, как все, что течет. Мне показалось в утро перед встречей с Амуром, что за ночь на земле совсем переменялся узор зубчиков и рубчиков на ковре, до того с детства привычных, что и не замечаешь его, пока не заедешь в такие края, где он не такой. Особенно пленительны были мне ярко-красные большие гвоздики. В долинах, защищенных горами от северных ветров, вместо таежных деревьев – пихт, лиственниц и кедров – были ясени, липы, дубы. Перед тем, как увидеть Амур, нас со всех сторон заключили болота, и только в большой дали, оказалось в за Уссурийском крае, синела цепь гор.

И вот скоро этот самый Амур, – какая встреча! Рядом стоит китаец, чуткий юноша.

Вот и Амур! Там, где теперь мост, у Амуре на его какую-то великую затею не

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
хватило воды, и посредине остался остров. Береговые таежные сопки уходят в туманную даль... Будь помоложе, взял бы да и запел.

ОЛЕНЬ-ЦВЕТОК

Змеиная теща

Удар железнодорожного колокола разбудил нас в Уссурийской долине. По всей вероятности, мы были недалеко от того места возле озера Ханка, где, по рассказу Арсеньева, [1] герой его Дерсу Узала спас ему жизнь во время внезапного тайфуна со стужей и снегом. Конечно, с тех пор прошла железная дорога, многое изменилось возле Ханки, но вскоре из разговоров с учеными и потом личным опытом я убедился, что изменение в Уссурийском крае ничтожно в сравнении с тем, что делает железная дорога в иных местах. Край настолько не обжит и не изучен до сих пор, что о каких-либо «гибельных последствиях цивилизации» и думать нечего. Теперь вдруг бесчисленные экспедиции, от геологии до кино, лавиной ринулись на край, даже в нашем вагоне их несколько, и я нахожусь в счастливых условиях скоро о всем справиться у самих же людей, а не рыться в их книгах. Знатки края рассказывали нам о разных зверях, населяющих горы Сихотэ-Алиня, о многих неизученных видах рыб в озере Ханка. В особенности заинтересовала меня кусающаяся черепаха. В озере Ханка будто бы черепахи этой неисчислимое количество и попадает она на переметах для рыбы постоянно в большом числе. Близко знающие озеро люди говорят, что в одно лето переметами будто бы можно наловить до пяти тысяч таких черепах. Сейчас японцы с нами говорят о концессии. Они уже давно об этом подумывали и даже в ближайшем к нам порту Цуруге сделали бассейн для приема черепахи из озера Ханка. Кроме драгоценного у гастрономов мяса, кровь этой черепахи имеет целебное значение, а панцирь идет на изделия. По-видимому, ловля черепахи для экспорта скоро начнется в большом количестве, и теперь уже возят ее понемногу во Владивосток. Как раз несколько таких черепах вез в нашем поезде один молодой человек. Раз во время разговора с одним ботаником кто-то крикнул мне: «Ноги, ноги берегите!» Оказалось, это одна из черепах удирала из ящика и пробиравалась между моими ногами куда-то в поисках родной воды озера Ханка. Мы взяли эту черепаху на столик и стали рассматривать: она была с тарелку величиной, овальной формы, в черном панцире с какими-то затеями. Чтобы рассмотреть ее голову, мы подставили к ее рту палочку. Мгновенно черепаха схватила эту палочку так крепко, что мы вытянули из-под панциря голову со всей длинной черепашьей шеей, и, думается, если бы стали дальше тянуть, то прочь оторвали бы голову. Говорят, японцы именно так и делают: дадут палку, вытянут, чикнут по шее и прямо стаканами пьют целебную кровь.

Глаза у нее желтые, злющие, и вся кусачая черепаха, с вытянутой шеей, когда смотришь на нее, кажется в отдаленном родстве со змеей, вроде как бы змеиной тещей. Мне мелькнуло вдруг при виде такой черепахи воспоминание об одном рассказе на Амуре, таком, казалось мне, невероятном, что даже записывать его я не стал, как чисто «охотничий». Рассказывал один говорун, что в Амуре водится черепаха, кусающая людей с необычайной силой и всегда в секретное место (рассказчик назвал это место пасхальным), и что одного его знакомого казака во время купанья она укусила и повисла там. К счастью на берегу Амура тут около места купанья была китайская кузница. С великим трудом, весь посинелый от страшной боли, поддерживая обеими руками черепаху, казак дотащился до кузницы, и тут китаец калеными щипцами заставил черепаху освободить пасхальное место.

– Возможно ли, – спросил я ученых людей, – чтобы эта черепаха из Ханки проникла в Амур?

Оказалось, вполне возможно, и очень интересно было отметить это в связи с вопросом миграции дальневосточных животных.

И у нас начался разговор о ходовом звере, кочующем из Сибири в Маньчжурию и дальше, подобно перелетным птицам.

Реликт

Конечно, в вагоне были не одни только ученые. За каждым нашим словом следили местные люди, переселившиеся из европейской части страны. По тому, как они следили за нашими словами, и по их замечаниям можно было понять, что от нас, людей со стороны, им очень хотелось бы знать об этом крае мнение, имеющее общеобязательное значение, как будто сами они растерялись, не знают, хорошо ли тут или плохо, и ждут от нас определения качества. Если бы мы стали бранить местную природу и нравы, по всей вероятности, они бы хором начали со своей стороны приводить доказательства невозможности хорошей жизни в этом краю

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru тайфунов и неожиданных наводнений, уничтожающих сразу труды многих лет. Но я проверил потом: большинство из таких людей великие патриоты своего края, и если что-нибудь похвалить и даже от чего-нибудь прийти в восторг, то это как раз и будет то, чего они ждут от свидетеля со стороны. Впрочем, мы сами у себя в доме почти все такие, и потому заведено и обязательно в смысле «приличия», чтобы гости старались открыть в доме хозяев хорошее и объявить его единственным. Как ни старайся, однако, представить дальневосточную природу прекрасной, все-таки надо признаться, что с точки зрения общеизвестной экзотики, хотя бы индийской, эта экзотика жалкая. Ученые говорят, например, что на Дальнем Востоке есть древовидный папоротник, реликт, оставшийся здесь от третичной эпохи. Но не надо думать, что эти папоротники в самом деле деревья, как в настоящих экзотических странах. Пройдешь мимо такого папоротника, не обратишь никакого внимания, но ботаник разгребет землю, покажет подземный коротенький ствол и с таким видом, как будто нашел алмаз первой величины, станет доказывать, что это именно и есть знаменитое растение тропических стран – древовидный папоротник. Удивление и уважение к экзотическим существам на Дальнем Востоке является лишь, когда поймешь жизнь реликта: ведь это же реликтовый край.

Что такое реликт? Есть понимание реликта в смысле реликвии; были, например, в Средней России липовые леса, их совершенно извели, и теперь липа, как остаток довольно редкий, встречается в естественных насаждениях. Это почтенная реликвия. Но бывает, существо жило и благоденствовало когда-то, во времена очень отдаленные, а потом, когда среда переменилась и большинство прежних видов исчезло, это существо приспособилось к новой среде, но осталось самим собой. Вот почему в обыкновенной экзотике нет ничего удивительного в тигре: все в нем на месте, как мы с детства узнали по картинкам и в зоопарках. Но в реликтовой экзотике то замечательно, что тигр оставляет свои следы не только на песке, но и на снегу и что иногда он вступает в бой с бурым медведем, что виноград обвивает здесь хвойное дерево, что очковая змея зимует под снегом. Так мало-помалу, входя в понимание жизни реликта, начинаешь понимать и людей, приписывающих некоторым редчайшим из них (корень жизни, Женьшень, или панты оленя-цветка) почти чудодейственные свойства.

Я достаю сейчас с полочки добытый мной на Дальнем Востоке корень Женьшень, вспоминаю, как просиял один китаец, увидев у меня корень жизни, имеющий вид человека, и поздравлял меня: с этим корнем жизни теперь я больше не должен бояться старости. Стоит мне только в течение сорока дней выпить сорок рюмочек настоя этого корня, и я сделаюсь, как Фауст, опять молодым. Не знаю, не верю, может быть и не хочу, может быть даже предпочту свое личное отчаяние власти над собой какого-то корня. Но мне очень приятно смотреть на этот драгоценный реликт из семейства аралиевых, в течение многих лет имевший власть больше золота над умами многомиллионных восточных народов. А сколько рассказов, сколько легенд! Один из наших ученых в вагоне рассказывает случай с ним в тайге еще до войны. От какого-то учреждения он получил, между прочим, триста рублей золотом для покупки хорошего экземпляра корня жизни. Раз он поехал в тайгу совершенно один, по молодости своей не представляя себе опасности такой поездки. Заметив человека в тайге, другой следит за ним с винтовкой наготове из-за деревьев, но наш молодой ученый, заметив двух китайцев, прямо подъехал к ним и рассказал, в чем его дело: ему надо достать хороший корень Женьшень.

- Хороший, – спросили китайцы, – шибко хороший?
- Самый лучший, какой только может быть, – ответил ученый.
- Два солнца ехать, – сказали китайцы.

И объяснили ему тропы и как найти фанзу, где он может получить верные указания.

Смельчак ехал в тайге два солнца (два дня), нашел фанзу, и там ему сказали, что именно в эту ночь он увидит лучший корень, какие только бывали на свете, и по всей вероятности он может его купить: корень этот уже несут теперь...

Да, это был, вероятно, один из самых драгоценных экземпляров, несмотря на то, что этот маленький предмет, вроде корня нашей петрушки, в кедровом лубке, засыпанный землей, легко можно было бы положить за пазуху, как обыкновенно делают китайцы, и, осторожно пробираясь, нести через тайгу. Но этот корень, на какой-нибудь десяток сантиметров превосходящий другие, имеющий какую-нибудь лишнюю косу на голове, особенно правильные морщины на туловище или с резким

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru выражением тела мужчины или женщины, несли через тайгу с величайшими мерами предосторожности шесть вооруженных людей. Они принесли его в полночь и только после усиленной просьбы хозяина вошли в переговоры о продаже и раскрыли великую драгоценность. Китаец, разглядывая корень жизни, может часами сидеть, изучать его и находить непрерывно какие-нибудь особенности в его форме, расположении мочек. Но что мог понять европеец? Его спросили, какой суммой денег он располагает для покупки, и он ответил просто, что ему дали большую сумму золотом, триста рублей... Тогда поднялся всеобщий великий хохот в фанзе: за корень этот предполагалось взять не менее тридцати тысяч рублей золотом.

Этот рассказ был ответом на поставленный знатоку края вопрос, до какой суммы может достигать ценность корня жизни: ценность эта может расти почти беспредельно, и человек в поисках его может мечтать о чем угодно, оставаясь в пределах возможного. Из реликтовых животных почему-то было избрано, как драгоценное, самое нежнейшее, из животных самое грациозное, пятнистый олень, прекрасный олень-цветок (хуа-лу), его панты будто бы имеют почти такое же целебное действие, как и Женьшень, и, по малочисленности прекрасного зверя, ценность лекарственного вещества молодых рогов тоже огромная, в несколько раз превосходящая ценность таких же пантов благородного оленя, марала и изюбра. Так, углубляясь в знания края, хотя бы даже полученные из вторых рук, начинаешь открывать себе своеобразную, не затрепанную экзотику Дальнего Востока, сильную своими контрастами. И правда, в краю, на который зимой так дышит Сибирь, что все замерзает и при ужасных тайфунах подчас становится холодней, чем в Сибири, летом в речных долинах красуются такие нежные деревья, как белая акация, маньчжурский орех, мелколистственный клен, ясень, бархатное дерево, а подлеском у них бывает та самая сирень, которую мы видим у нас только в садах и на полянках; как обыкновенные цветы, встречаются левкой, львиный зев. Есть лотос и эдельвейс. В этом краю не только природа, но и люди самых разнообразных стран привозили самые разнообразные семена: китайские капитаны – свои, американские – из Америки, русские переселенцы из самых разнообразных климатов тоже всеивали свои семена, и все большей частью приживалось и росло. Говорят, будто бог при обсеменении мира забыл этот край и, заметив грех свой, смешал все остатки семян и поскребышами этими обсеменял весь Южно-Уссурийский край.

Перед тем, как показаться морю, мы нырнули в туннель, и в то мгновение, как окно наше входило в темный коридор, на солнце ярко венком над самой дыркой туннеля просветились разные необыкновенно большие уссурийские цветы, оранжевые и темно-синие, и когда мы вынырнули на ту сторону горы, то солнца уже не было там, а моросило нечто среднее между дождем и туманом, то самое, что на Камчатке называется бусом. Мы ехали по самому берегу залива, названного в честь великой реки Амурским, точно так же назван по ту сторону рога залив Уссурийский; оба эти залива вместе составляют залив Петра Великого, а на роге по сопкам раскинулся Владивосток.

По дороге в Майхе

Расспросив хорошенько в Зверокомбинате путь в олений совхоз Майхе, мы так поняли, что ехать надо по Сучанской железной дороге, билет брать до Шкотова, но сойти, немного не доезжая до Шкотова, потом берегом реки Майхе идти до совхоза и там крикнуть лодку: совхоз на той стороне. Мы узнали, что в этом маленьком совхозе всего только триста оленей, что при раскулачивании прежних владельцев этого хозяйства, Буренков, один Буренок застрелил советского егеря и сам был убит, а другой убежал за границу, и что теперь совхозом заведует один из самых лучших работников. Рассказы понимать всегда легко, но когда мы приехали ночью и спросили о Майхе, у какой-то девицы, она сказала: «Идите за мной», и мы пошли за ней в деревню Майхе, в противоположную сторону от того места, где находился олений совхоз того же имени. Поблуждав, мы вернулись, и путеводным огнем нам был огромный костер, почему-то разложенный очень старым корейцем перед своей фанзой. Было ни жарко, ни холодно, не было совсем комаров и никакой пищи не готовилось, просто сидел у самого пламени глубокий седой старец, любитель огня. Проходя мимо него второй раз, мы попробовали спросить его о нашем пути, но он был, вероятно, глухой и ничего нам не ответил. Мы вернулись к железной дороге, перешли мост через Майхе и другой мост через соляную протоку, краем рисовых полей, постоянно перескакивая через арыки, часто попадая в грязь, с большим трудом, измученные, потные, добрались мы, наконец, до того места, откуда нам с другой стороны реки явственно послышался свист встревоженных нами оленей. Мы подождали, прислушались, свист повторился. Тогда мы крикнули лодку и, услышав скоро всплеск весел, от радости, измученные жаждой, решили напиться воды из Майхе. Радость наша оказалась преждевременной, вода в самой близости Уссурийского залива была в

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Майхе совершенно соленой и, самое главное, китаец-лодочник, почти уже подъехав к нам, вдруг повернул и начал скоро от нас утекать.

– Вернись, вернись! – крикнули мы.

– Откуда ваша идет? – спросил он нас.

И, узнав, что из Москвы, быстро ударил веслами и скрылся во мраке.

И вдруг напротив за рекой в полгоры ярко вспыхнул огонь: значит, в полгоры там стоял дом, и мы решили, что, наверно, это китаец добрался до хозяина, полагая, что мы браконьеры, и тот вздул огонь, а потом китаец собакам сказал, и они все разом подняли гам, и за собаками особенно сильно со всех сторон засвистели олени. Обождав еще немного, мы услышали всплеск весел, – это ехал выручать нас сам отважный хозяин. Дом действительно, как мы и предположили, был врезан в скалу, и скоро мы в этом доме уютно сидели за столом и беседовали о браконьерах.

Как выгодно быть браконьером в этом краю! Руководитель совхоза рассказывал нам, что однажды, вот точно как и нам теперь, пришлось ему заблудиться и попасть на какую-то заимку. Хозяин, разговорившись, прямо сказал, что всего только два раза съездил за пантами на остров Аскольд и на эти панты было куплено все: и лошадь, и корова, и вся хозяйственная утварь, орудия, и самый этот вот дом построен все на панты. Во всех культурных странах есть браконьеры, в Европе, в Канаде, и как же им не быть здесь, если панты с одного только оленя ценой доходят до тысячи золотых иен! И какие стрелки! Маленькой пулькой из мелкокалиберной винтовки, чтобы меньше был слышен выстрел, браконьер попадает в шейный позвонок пантача. Какая отвага и ловкость в руках! Вот что было на Аскольде еще в то время, когда оленями владело охотничье общество. Председатель общества капитан Бушуев, застав браконьера над убитым пантачом, навел на него револьвер и велел бросить винтовку. И браконьер сумел, бросая винтовку, сделать так, что она выстрелила, и председатель был убит наповал. А то были известные браконьеры – три брата, прозванные за хитрость «лисицами». Раз один из таких «лисиц» был захвачен на острове, и егеря даже не очень спешили брать его: лодка отобрана, куда же денешься с острова. Но «лисица» перехитрил егерей: он связал два бревна подштанниками, лег между ними и отгреб своими собственными ладонями, как веслами, восемь верст морем до берега. На острове Путятине егеря в перестрелке с браконьерами убили одного из них, некоего Страхова. Труп его они зарыли тут же на берегу, сделав из шлюпки гроб. Оставшиеся браконьеры ночью выкопали гроб, вытащили гвозди, разобрали доски, починили шлюпку и уехали. Но всех отчаянней был знаменитый браконьер Кочергин. Бывало, он приходил на какие-нибудь празднества с братом и пулей разбивал у него стакан с водой на голове. Он мог высмотреть корейца-рыбака в запрещенной для рыбной ловли зоне залива и на громадном расстоянии, когда кореец, склонясь над водой, держит парус, так попасть в него пулей, чтобы он кувырнулся с суденышка и спрятал все концы в воду. За голову этого злодея была назначена крупная сумма, многие, конечно, охотились за ним, но в решительный момент робели и сами попадали под его пулю. Как-то раз было, один егерь уснул под кустом на Аскольде и, когда проснулся, видит через куст – сидит Кочергин и вырубает панты. Надо было протянуть руку к винтовке, но рука онемела. Так вот от одного только кочергинского вида у егеря онемела рука, и он в кусту дураком просидел. Впрочем, дело становится понятным, если знать, что егеря были местные люди и за убийство Кочергина получили бы не одну денежную награду, а непременно еще и пулю в голову от родных и товарищей убитого. Кончил все кореец: он убил Кочергина тремя пулями, получил от общества награду.

Рождение Кастрюльки

Каждый олень в домашнем питомнике, конечно, имеет свою кличку. Вот Серый Глаз, могучий самец, названный, очевидно, так за свои красивые умные глаза; большинство оленей бывает с черными глазами, очень редко с карими. Черноспинник назван за черный ремень на его спине, угрюмый и непокорный. Развалистый, или Хунхуз, имеет вид очень строгий, сердитые глаза, на самом же деле очень милый. Круторогий самый спокойный из всех. Мигун постоянно мигает. Монах прозван за общую темность окраски, – у каждого оленя есть свое имя. Пискунья и Манька со своими октябрятами совершенно ручные оленихи, но всех добрее, конечно, Кастрюлька. С этой Кастрюлькой такое может случиться, что придет под окошко и, если вы не обращаете на нее внимания, возьмет и положит голову на подоконник и будет дожидаться ласки. Очень любит, если ее почешут между ушами. А между тем она вышла из диких оленей.

Мне удалось узнать, что Кастрюлька потому такая ласковая, что взята от своей дикой матери в тайге в первый же день рождения, что если бы взята она была бы даже только на второй день, и то она далеко не была бы такая добрая или, как говорят, легкобычная. А взятый на третий день и дальше олененок, как за ним ни ухаживай, навсегда будто бы остается чуть-чуть буковатым.

Олени начинают телиться в мае и кончают в июне. Было это в первой половине июня. Сергей Федорович взял свою Тайгу, немецкую овчарку, приученную к оленям, и отправился в горы. Разглядывая в бинокль горы, долины, ручьи, он нашел в одной долине желтое пятно и понял в нем оленей. После того, пользуясь ветром в ущельях, долго подкрадывался к ним так, что они не чуяли и не слышали его приближения. Подкрался он к ним из-под горы совсем близко и, наблюдая в бинокль, обратил внимание на одну оленуху: вскоре она отбилась от стада и стала мало-помалу прижиматься к распадку, где бежит горный ручей и камни густо заросли кустами, обвитыми лианами лимонника и винограда. Скоро оленуха совсем скрылась в этих кустах. Можно было быть почти уверенным, что оленуха эта удалилась от стада, чтобы растелиться в кустах. И так оно было. Оленуха, отступая к третьему Медвежьему распадку Семивершинной пади, вошла в густые дубовые заросли и родила скоро желтого теленочка с белыми, отчетливыми на рыжем, пятнами, совершенно похожими на пятна от солнечных лучей, «зайчики». Теленочек сначала не мог подняться, и она сама легла к нему, стараясь подвинуть к его губам вымя. Теленок тронул вымя, она встала, и он стоя попробовал сосать, но устал и опять лег, и она легла к нему и опять подвинула вымя. Попив молочка, он поднялся и стал твердо, но тут послышался шум в кустах, и ветер донес запах собаки. Тайга приближалась...

Мать поняла, что надо бежать, и свистнула, но теленок или еще не понимал, или был слаб. Она попробовала подтолкнуть его в спину губами. Он покачнулся. Она решила обмануть собаку, чтобы она за ней погналась, а теленка уложить и спрятать во тьме. А это уже ему дано было от рождения, чтобы лечь при опасности и совершенно окаменеть. И белые пятна затем и даны природой, чтобы враг в траве не мог их отличить от солнечных. Так он замер в траве, весь осыпанный своими собственными и настоящими солнечными зайчиками. Мать отошла в сторону, встала на камень, увидела Тайгу, громко свистнула, чтобы обратить на себя внимание, топнула ногой и бросилась бежать. Не чувствуя за собой погони, она опять остановилась на высоком месте и разглядела, что Тайга и не думает за нею бежать, напротив, все ближе и ближе подходит к тому кусту, где притаилась новорожденная ланка. Не помогли ни свист, ни топанье. А Тайга все ближе и ближе к кусту. Быть может, она бы решилась идти выручать свое дитя, но тут рядом с Тайгой показался Сергей Федорович, и она опрометью бросилась в далекие горы. Тайга к этому розыску приучена в домашнем питомнике. Она взяла на чутье и нашла, и за ней пришел Сергей Федорович. И вот только что черненькие глазки блестят и только что тельце тепленькое, а то бы и на руки взять и все равно сочтешь за неживое: так они каменеют и притворяются. Обыкновенно таких пойманных телят приучают пить коровье молоко и из бутылки: всунут в рот горлышко и булькают, а там хочешь глотай, хочешь нет, – все равно: есть захочется, рано или поздно глотнешь. А эта ланочка, к великому удивлению всех, начала пить молоко из кастрюльки, вот за это она и была названа Кастрюлькой.

Ухаживать за этой ланкой Сергей Федорович назначил дочку свою Люсю, и она ее все поила, поила из той же самой кастрюльки, а потом начала давать веники из прутьев молодого кустарника. И так ее выходила.

Подкормка оленей

В каком-то оленьем совхозе парк был до того выбит оленями, что бывшие вместе с оленями дикие козы зимой без подкормки все до одной погибли. Конечно, можно бы и коз подкормить, и в конце концов голодные козы тоже бы решились подойти к кормушкам, но о козах не заботились, а олени к своим кормушкам их не пустили. В этом звери большие эгоисты. Был даже случай, что в голодную зиму к кормушкам решился подойти дикий олень, но все домашние олени бросились и прогнали его. С этой стороны жизнь животных чрезвычайно проста, и на этой простоте чувства голода и основано все дело приручения животных. В сущности все эти оленьи парки на Дальнем Востоке явились как бы сами собой в тайге: дикие олени паслись на каком-нибудь месте, проживали тут с незапамятных времен, но стоило только человеку этот мыс или полуостров отделить провололочной сеткой от всей тайги, жизнь оленя от одного этого ничтожного действия совершенно изменяется, и этот олень уже не то, что дикий, тут же иногда в тайге рядом с сеткой живущий олень.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Олений парк в совхозе Майхе до того был выбит оленями, что при первых звуках трубы егеря со всех сторон они рысью бежали на площадку, где в длинных корытах он для подкормки рассыпал соевые бобы и кукурузу. Дня за три до моего приезда была окончена работа по устройству новой территории парка, длиною в три километра, и все триста оленей, кроме пантачей, предназначенных для спилки пантов, со всем своим приплодом ринулись на свежее любимое разнотравье. Можно было думать, что от такого приволья олени уже больше не побегут на трубу. Зная, однако, природу оленей, их общеживотную косность в привычках, егерь Иван Францевич решил попробовать созвать для меня и показать во всей прелести эти прекрасные пятнистые существа. При первых звуках трубы выбежала одна оленуха, бывшая, наверно, где-то поблизости, поглядела, что-то сообразила, юркнула в кусты и вновь показалась уже не одна, но с молоденьким олененком, которых в совхозе положено звать октябрятами. Пока эта мать разыскивала своего октябренка, успел отсюда-то к ним подбежать целый табун оленух, с ними два старых шишкача[2] и саек.[3] Ни одного оленя не показалось со стороны старого парка, в котором по болотистой долине вела оленья тропа, совершенно черная по зеленому, с определенным раздвоением: одна ветвь вела на берег Майхе, другая – в ту сторону, где Майхе своим лиманом обнимала скалу, погруженную в Уссурийский залив.

Старый парк теперь был пустыней, зеленели в нем только несъедобные травы и на их все-таки зеленом фоне торчали черные прутья ошипанных дочиста молодых деревьев. И когда одна оленуха, проходя этим кустарником, потянулась к одному зеленому листку и в этот момент я ухитрился щелкнуть шторкой своего фотоаппарата и, конечно, тем испугать оленя, то заведующий с большим удивлением подошел к листку и стал его внимательно разглядывать. Он удивлялся листу, потому, что олени всего только три дня тому назад оставили парк, и вот уже за это время явился лист. Пока все это происходило, Иван Францевич все трубил и трубил и все сыпал и сыпал из мешков сою в кормушки. Теперь олени собрались в большой табун у кормушек, а из кустов являлись все новые и новые. Я уже привык видеть издали в лесах и на горах отдельно кормящихся оленей и в табунках, привык смотреть на них непременно в бинокль и укрываться в кустах или скалах даже на значительном от них расстоянии. Теперь прелестные существа плотной массой нас окружили, и тем не менее при близости прелесть оленя-цветка ничуть не уменьшилась. Среди этих оленей было несколько выкормленных с рук, к ним свободно можно было подойти и даже оглаживать, как собак. Все олени привыкли к собаке Тайге до того, что почти совсем не обращали на нее внимания, и только изредка какая-нибудь особенно заботливая мать-оленуха, спасая маленького от мнимой опасности, молниеносно бросалась на нее, стараясь ударить передними копытами. Но Тайга от барса даже умела увертываться, Тайга вдвоем держала за уши средних лет секача. Однако и на старуху бывает проруха. Что-то укусило ее в самое нежное место и так больно, что, уткнув голову в область хвоста, наморщив нос, она частыми зубами систематически стала подъезжать к блохе, как едет парикмахер машинкой по волосатой щеке. Одна молодая оленушка обратила внимание на беспомощное положение немецкой овчарки, шаловливый огонек мелькнул в ее прекрасных оленьих глазах, она неслышно, осторожно, как поинтер, подошла и вдруг одной ногой дала Тайге по спине. Мы долго смеялись над ужасным испугом огромной собаки.

Иван Францевич нарочно тонким слоем сыпал сою из мешков, чтобы олени не сбивались кучками, а распределялись равномерно во всю длину кормушек, и так создавалась бы нужная мне фотографическая «бесконечность» в перспективе кормящихся оленей...

Октябрята в это время справедливо побаивались попасть в общую давку и табунком собрались в стороне на долине, некоторые из них нетерпеливо посвистывали очень похоже на то, как иногда коршун свистит в высоте. Когда соя была вся съедена и олени стали не спеша расходиться, матери сошли к олененкам, некоторые тут же и кормили их, но по большей части медленно уводили их в Новый парк. В скором времени Старый парк будет вовсе закрыт для посещения оленями и оставлен в ремонт. Предполагается Новый парк не допускать до такого опустошения и вовремя перегнать оленей в третий парк и создать таким образом переменное хозяйство.

Интересный случай мне рассказали во время этой подкормки оленей. Однажды во время такой массовой подкормки оленуха наступила на крыло дикого голубя, подбиравшего сою из-под кормушки. Когда голубь трепыхнулся, оленуха, безумно испуганная, прыгнула, испуг мгновенно передался всем, триста оленей вмиг, как паутину, изорвали толстую проволочную сетку и умчались в дикую тайгу. Через некоторое время на них была выпущена собака, и олени, спасаясь от этого страшного зверя, прибежали все обратно под охрану человека.

Пантовое хозяйство

Как говорят специалисты, идеальной формой пантового хозяйства на Дальнем Востоке является не парк, как теперь это сделано в огромном хозяйстве на полуострове Гамове, на островах Путятине и Аскольде. Парк, где олени на огромных пространствах живут, как дикие, и пантачей отстреливают, как и в дикой тайге, невыгоден тем, что рано или поздно олени подбирают естественный корм на каком угодно пространстве; невыгоден еще и тем, что при отстреле рогачей стадо растёт за счет бесполезных оленух, что место заражается клещами, и олени постепенно теряют свой вес и дают плохие панты. Идеальной формой, говорят, был бы полупарк, как Майхе, чтобы трубой из него можно вызывать оленей, отбирать пантачей и держать их до срезки в домашнем питомнике. Такой полупарк должен быть разделен, как сделано теперь в Майхе, на три части и все хозяйство окружено тайгой-заповедником с резервом диких оленей. Такие возможности есть во многих местах, но в Майхе уже стало довольно населенно и дикие олени довольно-таки далеко. Вообще Майхе хотя и стал теперь едва ли не лучшим оленьим совхозом, но все-таки он представляет собой переходную форму от прежнего крестьянского типа маленького хозяйства к большому государственному. Мне же как раз такой маленький совхоз был на руку, тут я мог наблюдать пантачей не в бинокль с высоты горы, как на Гамове, но прямо в упор рассматривать тех, которые были в заключении для постепенной срезки пантов по мере их созревания. Чем сильнее олень, тем скорее созревают у него панты. Такому сильному всякие силы со стороны во всем помогают. Прежде всего у сильного раньше других поспевают панты, значит, их раньше ему срезают и раньше выпускают в парк, и, значит, он на свою силу против слабых еще может прибавить силу от большого нагула в парке. Такой олень будет, конечно, и победителем в осенних боях, и тоже легче ему будет бороться с зимними невзгодами, во всех сезонах, во всех положениях; он живет против слабых с прибылью на прибыль и всегда во всем в барышах. По всей вероятности и в человеческом быту тем же самым объясняется известная примета о счастье, что если кому-нибудь счастье повалит, то оно так и продолжает тому же счастливцу валить, против несчастного, у которого все тонко, и где тонко, там все и рвется.

Операция срезки пантов имеет то же самое значение в пантовом хозяйстве, как сбор урожая, и тоже, как урожай, может погибнуть от дождя и огня, так при неосторожности, неумелом обращении с полудиким животным могут быть смяты и разломаны драгоценные панты. Было назначено для срезки пантов восемь оленей. Егерь Иван Францевич поопасался позволить мне присутствовать при распределении по денникам предназначенных для операций пантачей, ведь малейшая неосторожность, даже простой щелчок шторки моей крошечной лейки, может быть причиной того, что пантач взвоет в сарае под потолок и сплющит панты в две кровавые лепешки. И даже заведующий не принимал участия в этой подготовительной операции. Отбор пантачей надо себе представить таким образом, среди оставшихся в домашнем питомнике тридцати пантачей, которым в течение некоторого времени всем по мере созревания должны быть спилены панты, теперь есть восемь зрелых; вот как же их отобрать и с общего двора перегнать в денник? Иван Францевич, чрезвычайно осторожно нажимая на оленей, старается со двора всех их загнать в крытый сарай, с длинным коридором, по обеим сторонам которого расположены денники. Все олени, войдя в коридор, непременно войдут в открытые денники, уже по одному тому, что в каждом из них есть оконце и вообще лучше и просторнее, чем в полутемном узком коридоре. Каждый денник имеет выход не только в коридор, но и в оба соседние денники. И вот, положим, в каком-нибудь деннике сошлись два пантача, из которых один годится для спилки, а другой должен быть удален. В таком случае егерь открывает дверцу в соседний денник и, особенно ласково уговаривая: «Мишка, Мишка, оленя, оленя!» – старается разлучить друзей, чтобы один вышел, и в тот же момент закрыть за ним дверцу. Тогда нужный олень остается в деннике для срезки, а оленя с неспелыми пантами выгоняют на прежний двор.

Так в течение какого-нибудь часа Иван Францевич своей опытной рукой сумел перегнать в денники и запереть в них восемь пантачей. Мы думали начать операцию часа в четыре вечера, когда солнце бывает против панторезного станка и, значит, можно будет фотографировать с большой скоростью, например, такие моменты, когда олень, освобожденный после срезки, делает колоссальный прыжок из станка вверх и, получив полную свободу, уносится в парк. Но недаром у меня сегодня утром горело лицо и я чувствовал в себе тревогу. Начался тайфун и сильнейший дождь, фотографировать было невозможно, и я упросил заведующего отложить операцию до утра. Трудно это было, потому что олени должны были оставаться ночь без воды, но просьбу мою все-таки уважили, и вместо воды в денник положили мокрые веники.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Срезка пантов

Здесь бывает тайфуны на несколько дней, и тогда летом становится мрачно, как у нас в ноябре. Но если тайфунчик сразу налетит и пройдет, то на другой день бывает чистый воздух, свежий, легкий для дыхания и радостный. Правда, рано утром против станка не было солнца, но меня интересовала главным образом психика оленя при спилке, значит, его глаза, а это можно было снимать светосильным объективом с открытой диафрагмой при всяком освещении. Мы взяли большое эмалированное блюдо для спиленных пантов, продезинфицировали пилку и вставили ее в обыкновенный лобзик. Захватили еще карболку и пошли собирать дорогой урожай. Кроме заведующего, взявшего на себя роль пантореза, егеря Ивана Францевича, с нами были еще три практиканта, но панторез и егерь вдвоем могут сделать всю операцию, и я буду рассказывать, как будто их только двое.

Началось с того, что егерь открыл в коридор дверцу того денника, где находился предназначенный для спилки олень, сам же быстро вошел в соседний денник и оттуда стал ласково уговаривать: «Миша, Миша, выходи!» Я смотрю на это в дырочку из-за деревянного щита, который висит на блоках поперек коридора и препятствует оленю выйти в эту сторону по коридору на двор. Щит при нажиме легко движется вперед и при упрямстве оленя может подгонять его идти в панторезный станок. В этом щите есть дверца, чтобы через нее можно было из-за щита войти в коридор к оленю.

Вот Иван Францевич наконец-то уговорил, и Мишка, осторожно озираясь, выходит в коридор. Полная тишина, тревожное напряжение. Малейшая неосторожность, и олень в безумном своем испуге все разобьет или всего себя изуродует. Все восемь виденных мной через щелку оленей вели себя в эту тревожную минуту по-разному. С одним было так, что покажет из денника свою голову с коронкой и спрячет. Егерь выбегает в коридор, переходит в другой денник, уговаривает оттуда, олень и тут не соглашается, и так очень долго, а насильно никак нельзя. Был олень, который, выйдя из денника, со всего маху ударил задними ногами в наш щит, потом еще и еще. И был один старый и самый сильный с прекрасными серыми глазами, тот совершенно спокойно пошел в сторону панторезного станка. Когда олень идет, мы нажимаем на щит, и он в полной тишине с особенным характерным звуком катится на своих роликах вслед за оленем. Раз олень пошел, то обыкновенно не миновать ему ловушки, потому что станок есть продолжение коридора, ничем от него не отличается. Бывают, однако, особенно чуткие олени, они перед самым станком ложатся на пол, и возня с таким оленем, настоящая борьба, бывает подчас очень трудной. Но, вероятно, это очень редко случается. Нормально, как было на этот раз со всеми восьмью, олень, ничего не подозревая, вступает на подвижный пол. Впереди вместо потолка деревянный колпак, закрывающий ему вход вперед. Иван Францевич, двигавший до сих пор вместе со мной щит за оленем, тихонько пролез в дверцу щита и закрыл сзади станка дверь за оленем: теперь ему нет выхода ни вперед, ни назад. В этот самый момент оператор, следивший за всем ходом событий тоже, как и мы, в дырочку, нажимает первый рычаг, и две обшитые кожей доски сходятся, чтобы подхватить оленя за бока, а при нажиме на другой рычаг пол проваливается под оленем, ноги его болтаются в воздухе, бока подперты мягкими подушками, а кроме того, для верности Иван Францевич теперь уже без всякой церемонии врывается и садится на висящего в воздухе оленя верхом. Теперь оператор открывает колпак, и вся картина плененного оленя на белом свету...

Тут опять приходит мне в голову вечно повторяющийся чуть ли не с колыбели вопрос: надо ли ко всему привыкать так, чтобы делать успешно свое дело и ничего при этом не чувствовать. И как быть, если без чувства и воображения обратишься в машину, а при наличии их деловая машина плохо работает. В этом вопросе есть бесконечное углубление, так что в конце концов какая же подлинная действительность: то ли, что вижу я, путешествуя, своим первым свежим глазом, или верно то, что узнали они, повторяя много лет одну и ту же операцию? Мне было так, что я каким-то образом при операции с первым оленем до того судьбу его близко принял к себе, что, когда открыли колпак и я увидел этот ужас в глазах и потом, как врезалась пилка и высоко вверх брызнула кровь, и олень вывалил серый язык, и захрипел, и закричал, и застонал, я не только не мог фотографировать, но сам едва на ногах устоял и на минутку должен был отвернуться, чтобы скрыть свое волнение от товарищей. Судьбу второго оленя я уже не перевел на себя и снял хорошо, а потом даже управлял спиливанием, просил делать так или так, отмечая точно в памяти поведение каждого оленя при спилке пантов. Один олень стонет, другой просто тяжело дышит, третий задыхается, как отравленный стрихнином, у иного оленя все горе в глазах, и даже самую пилку он переносит без малейшего стона. Тот олень Серый Глаз, который совершенно спокойно вышел из денника и без колебания вправился в панторезный станок, поняв положение, отдался без всякой

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru борьбы, и когда его персикового цвета налитые кровью панты тронула пилка, и кровь брызнула фонтаном, и я в этот момент спустил штормку лейки, то он покосился на мой крошечный аппарат, и до того это было странно, что даже привычный ко всему оператор обратил на это внимание, и мы потом вместе с удивлением вспоминали, как покосился могучий Серый Глаз на такую безделицу.

Для спилки пантов нужно сделать всего три-четыре движения пилкой, потом панты кладутся на блюдо, а на коронки оленя марля с карболкой. Теперь расстегивают ремень, стягивающий голову комолого пантача, оператор нажимает на рычаг, опускающий подпорные доски, и олень проваливается, достает дно ямы панторезного станка и потом вылетает оттуда, как будто им стрельнули. После того как мы стрельнули восьмым, последним оленем, первые олени, комолые, с окровавленными шишками, как ни в чем не бывало вместе с другими пантачами уплетали себе кукурузу. После закуски им предстояло величайшее наслаждение: ведь они с прошлого года только из-за пантов были в заключении и теперь, вот пожалуйста, вот открывается калитка в парк. Они прыгали один за другим из дворика совершенно такими же огромными скачками, как из панторезного станка. К сожалению, они же не могли знать, что открыто новое уголье для их пользования, и потому все бежали в старый выбитый парк...

К вечеру мы обходили парк, типичное уголье пятнистых оленей, отроги хребтов, покрытые горными и низкими болотными лугами, на которых весной раньше всего зеленеет трава, сопки с сиверами и солнцепеками. Пищу оленей в таких угольях составляют травы лесных полян, преимущественно широколиственные, горькие и ароматичные растения, также бобовые (вика), листики, почки и ветки деревьев, кустарники липы, клена, дуба, сочные верхушки чертова дерева, побеги бархата, леспедеца, и особенно любит олень объедать листья винограда. После обильного разнотравья Нового парка мы пришли на границу Старого; и трудно себе представить после богатого разнотравья печальнее пустыню, чем был выбитый дочерна Старый парк; до того он был выбит, что, услышав довольно далеко от себя писк бурундука, мы скоро разглядели полосатого зверька вроде белки, но мало того, этим писком, слышав наши шаги, бурундучиха сзывала своих детенышей. И вот до чего же парк был выбит, что мы видим на земле бегущих малюсеньких и тоже полосатых бурундучат.

Выйдя на опушку леса, мы рассмотрели в бинокль, что из Старого парка в Новый медленно перебирались две оленухи с оленятами, за ними же шел один из тех пантачей, которых сегодня оперировали, и за пантачом еще одна оленуха с олененком. Все это шествие можно было так объяснить, что оленухи пошли в Старый парк на солончаковые травы и встретили там окровавленных пантачей. Когда они достаточно нализались соли и собрались уходить на богатое разнотравье Нового парка, то пантачи, голодные, пошли тоже за ними. Конечно, и оленухи не просто шли, их переход по открытому месту – целое представление: идут тихо, как на пружинках, оленята пугаются малейшего шороха, и все их причуды матерям приходится проверять. Но еще более робко, чем маленькие, более неуверенно шли открытым местом в Новый парк комолые пантачи; быть может, их пугало новое неизвестное место, а быть может, они просто боялись, как бы им опять не попасть в такое же ужасное положение, как было с утра. Переход в полкилометра потребовал с полчаса времени, а там показался еще новый отряд оленух, ведущих другого пантача. Этот пантач, или вернее шишкач, перед кустом уперся, как будто ожидая оттуда зверя. Но вышел не хищник, а оленуха, она шла навстречу процессии по какому-то своему делу. Получше разглядев ее в бинокль, мы поняли: она очень хорошо наелась и, сытая, с полным выменем, возвращалась к своему новорожденному, оставленному на время в кустах.

Скверная котлетка

Однажды во время моего пребывания на полуострове Гамове замечательный стрелок, старик, егерь Гамовского оленьего парка Иван Иванович Долгаль убил леопарда, почему-то называемого на Дальнем Востоке барсом. Я выпросил себе на память коготь этого зверя и не заметил, с какой ноги был взят этот коготь. Во Владивостоке мне случилось быть у одного знаменитого охотника на львов в Центральной Африке, превосходного рассказчика. Увидев мой коготь, он, ни мгновения не раздумывая, сказал: «С левой задней ноги». С этого раза коготь леопарда получил у меня сакраментальное назначение в деле испытания человеческого характера. Я показываю коготь, спрашиваю и безошибочно узнаю об охотнике. Раз я показал коготь заведующему парком пятнистых оленей в совхозе Песчаное А. А. В-у, который много убивал барсов и одного даже задушил своими руками. Случай этот подробно описан в «Охотнике» (1925) под заглавием

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Дальневосточный Мцыри». Сам я этот рассказ не записал и по памяти могу передать лишь в общих чертах. В. охотился на барсов с двумя своими собаками, немецкими овчарками Петро и Неро, которые, загнав барса на дерево, совершенно как лайки кружились около и лаяли до тех пор, пока не приходил охотник. Однажды В. расстрелял все свои патроны по козам, после чего Неро (Петро накануне был ранен барсом и остался дома) облаял барса. Конечно, бросаться с дерева на громадную собаку барсу нет расчета, и он бы и не бросился. Это звено рассказа я не удержал в памяти. Только вышло так, что уже в сумерках барс скакнул на Неро, и тот сразу попал в отчаянное положение. Хорошо помню замешательство очень скромного, застенчивого В. в этом месте рассказа. Мы пристали к нему объяснить нам подробней мотивы, по которым он с пустым ружьем решил вступить за Неро. «Я думал, – ответил В., – что он не посмеет и убежит, – это раз, а второе, потом, если он задерет Неро и вернешься домой, неловко будет перед собакой». – «Какой собакой?» – спросили мы. «А Петро, ведь он дома остался, он будет смотреть на меня...» Мы были все охотники, и последний аргумент нас всех убедил и высоко поднял в нас авторитет Александра Александровича. Он взмахнул пустой винтовкой с ругательством над головой барса, а тот бросил Неро и сразу подгрел под себя Александра Александровича. Ножом нельзя было ничего сделать, нож без размаха не входил в барса, пришлось душить руками из-под низу, а сверху сидел и тоже душил барса Неро. Мало-помалу барс как будто начал ослабевать и можно было решиться освободить одну руку и ткнуть в горло ножом. Так вот и одолели, но, конечно, долго пришлось лечиться от ран. Вот какой охотник и сколько барсов он побил со своими друзьями Петро и Неро, а когда я показал ему коготь и спросил, с какой ноги, он прямо сказал, что коготь барса ему хорошо знаком, но с какой ноги – определить он не может. И узнав, что коготь с гамовского барса, рассказал нам об одном ручном барсе Самсоне, который был тоже добыт на Гамове, и в честь этого барса одна известная падь Туманной горы названа Барсовой. Тогда оленьим парком владели на паях четыре лица, среди которых был Иван Янковский. Однажды повадился барс резать оленей, и чего только не предпринимали егеря, не могли проследить и убить этого барса. Конечно, барс не волк, который заберется в парк и положит десяток оленей, барс убивает лишь себе на еду, лишнего не берет, и в конце концов, имея лишь одну семью барсов на Туманной горе, владельцы парка стали смотреть на проделки барса легко. Случилось, об этом узнал швейцарец Конрад, тоже оленевод и хороший охотник. Он сказал, что это нельзя допустить: жить леопарду вместе с пятнистыми оленями в одном парке. Он поселился на Гамове, изучил в сущности очень ленивую и однообразную жизнь барса. Поставил четыре грелевских капкана в одной точке хребта, где барс непременно проходит, высматривая себе сверху добычу; к одному капкану была приложена фазанья голова, и вот из-за одной этой фазаньей головки погиб прекраснейший зверь: захваченный одним капканом, он бился до тех пор, пока его не охватили все четыре капкана. Почти в этот самый день Иван Янковский в нынешней Барсовой пади заметил какое-то желтое пятнышко и наудачу стрельнул в него: убитым оказался маленький барсенок, а другой был взят живьем. Иван Янковский вырастил этого барсенка и потом никогда не расставался со своим Самсоном. Бывало, в горы пойдут, и начинается игра: леопард прыгнет в камни и ляжет там, по своей барсьей манере, так, что видны бывают одни только глаза, и потом прыгает оттуда. А то Янковский ляжет, а Самсон начинает лизать его волосы и причесывать и до того дойдет, что уж и больно станет: язык-то ведь жесткий...

И много всего было рассказано о дружбе страшного зверя с человеком. Много таких я слышал рассказов и знал, что кончается для зверя такая дружба всегда печально. И я уже чувствую этот конец, и чем тоньше рассказ, чем нежнее дружба, тем, значит, печальнее конец.

Не люблю я этих печальных концов у зверей: самые страшные звери – просто игрушки в человеческом обществе. Я перебил речь Александра Александровича и спросил:

– Чем же все это кончилось?

– Кончилось? – повторил он. – Кончилось таким образом: во Владивостоке был ресторан на Светланке, и там Иван Янковский съел какую-то скверную котлетку, с этого разу у него началась язва в желудке: хирел, хирел и помер. Вот и все.

– Янковский? – спросили мы.

– Ну да, конечно, – ответил Александр Александрович, – Иван Янковский, а Юрий, его брат, известно, во время революции удрал за границу. Между всеми Янковскими

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Иван самый добрый и тихий человек и вот, подите же, погиб от скверной котлетки.

– А как же барс?

– Ну, барс, само собой понятно, раз умер хозяин, то кто же мог бы управлять таким страшным хищником? Умер Иван, и в тот же час барса убили.

Тигры

Как добываются тигры? Можно ли на них поохотиться здесь, как на медведя? Можно, только очень трудно. В мои руки попало описание тигровой охоты в прошлом году; вот его текст:

В правление Зверокомбината

артели охотников дер. Сибичи

Заявление

Числа 15 ноября 1930 г. артель жителей дер. Сибичи Калугин Трифон Васильевич, 35 лет, Поносов Павел Филатьевич, 32 лет, Выгодов Семен Григорьевич, 29 лет, Выгодов Егор Григорьевич, 25 лет, Выгодов Иван Григорьевич, 37 лет, вышли на охоту в район р. Тетюхе, севернее Сибичи. Убив трех кабанов и штук семь поросят, артель продолжала охоту поодиночке. Верстах в четырех от Тетюхе, это уже недели через две, Калугин нашел след тигра большого и двух малых. Он позвал к себе одного Выгодова, и ими решено было созвать всю артель. Собралась артель, ночевали, и в эту ночь выпал снег и покрыл вчерашние следы. В течение полумесяца артель вновь нашла эти самые следы верстах в одиннадцати от Тетюхе. По этим следам идти было особенно трудно, потому что тигрица с молодыми не паслась, а лежала долгое время. По встретившейся скоро ломке охотники определили приблизительно недельный подъем с гнезда и приложили все усилия, чтобы тигров нагнать. Через два с половиной дня, перейдя перевал при глубине снега в шесть четвертей, артель нагнала тигров в долине реки Тунабо, верстах уже в тридцати пяти от Тетюхе. Снег и густота зарослей мешали подойти к гнезду, и скоро пришлось убедиться, что забитые снегом ружья как со стороны ствола, так и с казенной части, не могли стрелять, значит шли безоружные. Калугин шел впереди, вдруг видит молниеносный прыжок тигрицы на собаку, а ружье дало осечку. Тигрица после неудачного прыжка ушла, а охотники обнаружили на склоне горы, на солнышке, две лежки, одна пониже – тигрицы, а повыше другая – тигрят. После прыжка тигрицы молодые тигры бросились в разные стороны – один по следу матери, другой в противоположную сторону. Охотники разделились и пошли по этим следам, но так как в такой горячке не успевали за тигрицей, то пустили собак. Шагах в трехстах от места лежки был достигнут собаками первый тигренок; охотники только лишь стали добегать до него, вдруг он передней лапой хватил собак и наутек. Оробевшие были собаки, как увидели бегущих на помощь охотников, залезли наскоро раны и бросились догонять тигра. Скоро они его нагнали и держали до прихода артели: он забился под громадную колодину и оттуда рычал на собак. Вновь увидев охотников, таковой бросился на них, невзирая на собак, но Калугин отбил его в лоб, тогда он бросился на Выгодова, и тот дал ему в пасть приклад. Тигренок обхватил лапами с такой силой, что не стрелявшее ружье вдруг ахнуло, пуля пробила рукав, и руку сильно обожгло. Испуганное животное бросило Выгодова и бросилось на Поносова и, очевидно, ему плохо пришлось бы, если бы Калугин при повороте не схватил тигра за хвост. На длинном прыжке у тигра получился через это толчок, он как бы споткнулся. Калугин тоже не устоял на ногах, пал прямо на тигра и успел схватить его за уши. Рассвирепевшее животное с двумя прикладами во рту сбило наседавших охотников и начало драть передними и задними ногами Калугина, и горе было бы ему, если бы он отпустил уши. Наскочившие со всех сторон стали завязывать рот, связывать лапы и выручать обнятого четырьмя тигровыми лапами Калугина. В конце концов благодаря дружности Калугин отделался только царапинами на груди и что остался без пиджака. Так был связан первый тигренок. После того решили прочистить ружья и пошли опять догонять беглецов. Не стоило большого труда Храброму и Босому – обе дворняги – нагнать верстах в двух второго тигренка. Он не убежал дальше, решил поцарапать собачат; первой оказался Босой, не сумевший быстро лавировать. Собаки старались не давать ходу тигру – одна спереди, другая сзади. Увидев подходивших людей, тигр бросился напролом через Босого, помял, изранил и пошел наутек. Но Храбрый, не отставая, преследовал его и загнал его под колодину, а тут оправился Босой и подоспел на помощь. Из охотников пришли только трое, два остались со связанным тигром. Так же как и с первым тигром, при первой его попытке броситься, Калугин дал ему в рот приклад, а Поносов и Выгодов придавили его рогулиной, накинули ему на голову

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru оделяло, завязали ноги, замотали шпагатом голову. За все время тигрица нигде не показывалась. На палке на плечах второго тигра отнесли к первому. Переночевали. Утром одного послали за лошадей, а сами потащили тигрят на волокуше, но не протащили и двадцати саженой, выдохлись, так как тигрята были по четыре пуда весом. Продукты иссякли, и охотники решили не дожидаться посланного, а сделать для тигрят сруб и самим уйти. На четвертый день их встретил посланный без лошади, так как ее невозможно было провести. На восьмой день охотники вместе с тигрятами добрались до первого своего табора на р. Тетюхе. Ловлей тигров никто из них раньше не занимался. Все переселенцы из Ивановского района Владивостокского округа деревни Виноградовка. В общей сложности охота на тигров у них заняла около двух месяцев.

Кто станет сомневаться в таком правдивом рассказе, но я знаю совершенно чудесный рассказ о тигре, которого сам своими глазами видел в Зоопарке, вблизи Владивостока. Этот уссурийский тигр недавно был доставлен из тайги, молодой, но вполне тигр и до того свежий, яркий, какой-то напряженный. Известный кинорежиссер с оператором этим летом собирали материалы для кинопьесы «Китайцы» и, увидев прекрасного тигра, решили инсценировать: тигр из уссурийских зарослей бросается на молодую дикую козу и разрывает ее. Заказали достать молодую козу, и охотники в короткий срок доставили. Обнесли значительное место крепкой проволочной сеткой, задекорировали ее уссурийской растительностью, пустили козу, оператор устроился, и тогда, крадучись, робко выступил тигр... Свобода была ему, конечно, дороже козы, хотя перед тем его несколько дней не кормили. Не обращая никакого внимания на козу, тигр сделал гигантский прыжок в самую гущу субтропической флоры, и в тот же момент был отброшен и опрокинут на спину пружинившей сеткой. Он повторил прыжок, и еще раз был отброшен. Тогда он увидел товарища по неволе, козу, и направился к ней. «Ну, не зевай, оператор, верти». Оператор уверял меня, что он не растерялся после того, что увидел, он вертел, и самые интересные кадрики обещался потом доставить мне для иллюстрации книги. А как было не растеряться: нужно было, чтобы тигр козу разорвал, а он подошел к ней и стал лизать ее, и она, не обращая никакого внимания на тигра, рассматривала и облизывала какие-то листики. Возможно, что тигр шероховатым своим языком долизался через шерсть до тела, и козе стало, может быть, щекотно, а может быть, больно, она подняла голову и вдруг пискнула. А тигр до того испугался козы, что со страху мгновенно отпрыгнул и забился в углу. Потом оператор дождался, как коза подошла к тигру, и, в свою очередь, обнюхивала своего красивого и такого робкого товарища по несчастью.

Древесные берлоги

Приморское дерево это совсем не то, что наше стойкое и плотное: древесина у них такая рыхлая, что сделанная из нее посуда для рыбного дела пропускает рассол. Рыхлость древесины получается от тех же самых сил, которые в Приморье особенно быстро разрушают скалы: совокупность этих сил можно назвать непостоянством погоды. Ранней весной корни деревьев погружены еще в мерзлую землю, а солнце днем с такой силой разогревает надземные части растений, что в них начинается движение сока. К вечеру, когда опять хватит мороз, эти соки замерзают и, расширяясь, рвут и рыхлят древесину. Получаются такие дуплистые деревья, что хоть живи в них. Медведи очень часто пользуются зимой этими дуплами как берлогами. Приходилось слышать от охотников, что медведь иногда в такое дуплистое дерево забирается сверху, и узнать о его пребывании там можно бывает по намерзши от дыхания, а если очень морозно, то и по пару, исходящему от дерева.

Бархатное дерево

Пробковое дерево южного Приморья (бархатное) с виду очень простое, но когда поймешь, то окажется, что в этой простоте скрывается изящество и грация вроде нашей рябины. Пробковый слой бархатного дерева используется только столярами-художниками для отделки самых изящных вещей.

Впервые встретил я бархатное дерево возле оленьего совхоза Майхе на берегу озера, сложенного слиянием рек Майхе и Батальянзы в непосредственной близости Уссурийского залива. Я шел берегом возле самой сетки оленьего парка и, когда увидел на берегу три дерева, слившиеся в одну крону, сразу догадался, что это именно и есть бархат. В аппарате был у меня телеобъектив, приготовленный на случай встречи с оленем, и потому мне пришлось, чтобы снять бархат, отойти от него на довольно большое расстояние. И пока я шел, откуда-то на воде явился кореец в белом и черной шляпе. Он вышел на берег возле самого бархата, устроился, сел ко мне спиной и согнулся над чем-то: по-видимому, стал закусывать. Глядя на него, я тоже закурил и прикорнул, казалось, на минутку, а

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru проспал ровно час. И вот, что за диво! Через час кореец сидел на том же месте и точно в такой же позе, как будто он за едой внезапно скончался. Заинтересованный, подошел я к нему и увидел на его коленях небольшую белую собачку, у которой хозяин выискивал блох. Как тут не подивиться: так было уже целый час, и работа, по-видимому, была только в самом начале. Вдали на сопке желтело спелым ячменем небольшое, вроде нашего усадебного огорода, пятнышко его крошечного хозяйства. На всей громадной сопке была только одна его фанза, наполненная детьми.

Приморский виноград

Азиатская пашня была мне как чуждая молитва на непонятном языке, вроде европейского Страшного суда с предварительным воздержанием от пищи в течение суток. Все это хозяйство рассчитано на вегетарианца-восточника, или на подвижника, или на больного, или на баловника, каких много было в толстовское время. Такая скудость и такие возможности в богатой природе: вон виноград задушил какое-то дерево, и невозможно узнать, каким оно было. Это не просто дикий виноград, это очень ценный; говорят, французы бочками отправляли к себе этот сок, и вино с этим соком получало какой-то особенный экзотический, превосходный букет. Я простился с корейцем и по сетке, ставя ноги из одной ячейки в другую, выше и выше, перелез в олений парк. Мне хотелось посмотреть, что получается внутри такого дерева-здания, обвитого виноградом. С трудом я проник в одну из таких беседок, потому что там, внутри, было много лиан. Но дерево, молодой маньчжурский орех, не погибло, а даже зеленело. Тут было прохладно, хорошо, я вынул записную книжку и занялся подсчетом расходов аванса и, когда начал составлять телеграмму о присылке денег, заметил, будто что-то мелькнуло по солнечному зайчику: один зайчик закрывается, потом другой, а этот откроется. Осторожно нашел дырочку и увидел, что это оленуха очень тихо, останавливаясь на целые минуты, подходит сюда и закрывает собой зайчики. Хорошо, что легкий ветерок был ко мне, а не от меня, и она почуять меня не могла. Мне было слышно потом, как она оторвала губами вкуснейшее для них лакомство – лист винограда. Потом она стала откусывать верхние листики. Видно было, что вымя у нее было полно, и молоко даже сочилось: наверное, вблизи где-то был олененок. Не могу себе представить ее безумия, если бы шевельнуться! В какое положение может попасть дикий зверь! Но я выдержал, пока она не наелась.

Олень-цветок

Глаза этой оленухи, виденные мною из виноградного шатра, оставили во мне такое неизгладимое впечатление, что я никогда не забывал о них, тем более что пятнистых оленей встречал я всюду на островах и в их глазах постоянно узнавал то впечатление от них в виноградном шатре. Бывает в таких впечатлениях, как в запахе цветов: почти всегда с запахом цветов связывается какое-то отдаленное воспоминание, и оно до того упорно не проявляется, что начинаешь думать, будто и нет его, а самый зуд к воспоминанию не реален и есть нечто вроде желаний. Но нет, я несколько раз имел возможность убедиться, что вспомнить можно, только очень трудно докопаться. То же было и с глазами оленя: не то их видел, не то нет, и не можешь вспомнить где, и не можешь чего-то досказать. Так бывает, и, как я заметил в себе, это никогда не пропадает и будет встречаться тебе до тех пор, пока не найдешь ответ. Разгадка моего неопределенного волнения явилась осенью, когда разошлись уже туманы, поблекла трава, засохли цветы, но зато в лучах солнца 42-й параллели все разноцветные осенние листья деревьев и кустарников вспыхнули и засветились, как брильянты. Вот в том-то и дело в этом реликтовом краю, что по холоду осенью все как у нас, но по свету осенью тут голубей, чем у нас весной: по холоду – Сибирь, по свету – Италия. И вот в такой-то день я стоял во Владивостоке в ожидании трамвая и смотрел сквозь пунцовый мелколиственный клен на голубое море, и так мне показалось, будто из самого моря вышла женщина в зеленом. Для этого итальянского солнца нет различия, от какого предмета исходит цвет, все равно, будь то лилия или юбка, цвет вспыхивает и горит. Грудь этой молодой женщины от спешного хода волновалась, и оттого зеленая материя переливала на синюю. Я заметил это интересное пятно в общем букете, но лица молодой женщины не видел, появился трамвай, и я, последний в очереди, собрался с духом, чтобы в последний момент не потеряться и хотя бы привеситься, но ехать. Когда я достиг своего и кое-как прицепился, то почувствовал, будто кто-то сзади меня хочет совершить невозможное – тоже привеситься. Я обернулся и вдруг прямо глаза в глаза встретился: те самые, мучившие меня все лето оленьи глаза теперь перешли на лицо женщины в зеленом платье, и это было сразу ответом на все. Глаза эти у оленя были именно так хороши, что требовали себе продолжения: художнику надо было их взять и перенести

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru на лицо человека. И оно само перенеслось, и я увидел оленя, превращенного в женщину... Но нет, не передать мне всего моего восторга от этих оленьих глаз в цветах от света осенью итальянского солнца на Дальнем Востоке. Все вопросы в одно мгновение решились, в одно мгновение все я понял и успел соскочить, помочь, устроить на свое место уже на ходу трамвая, поклониться с восторгом, как будто передо мною действительно чудо из чудес совершилось, олень-цветок, раскрывшийся в женщину.

После того долго стою в очереди в ожидании трамвая и сочиняю роман-сказку о превращении хуа-лу, оленя-цветка, в прекрасную царевну. Когда-то очень давно я попробовал таким образом бороться со скукой вынужденной длительности времени, и с тех пор навсегда моя счастливая профессия освободила меня от всяких очередей. Вероятно, мы так очень долго стояли, потому что очередь ушла далеко в «Трудящийся сквер», когда пришел некто, взглянул на провода и сказал уверенно: «Расходитесь, граждане, трамвая не будет». И все разошлись.

Каботажник

Не знаю и не хочу узнавать, на чем основано исключительное значение Маруси на судне, мне-то какое дело! Она не одна тут девица, мало ли их, но почему к ней относятся особенно предупредительно и ее декрет в кают-компании: «Просят головные уборы снимать» – выполняют даже начальники, никогда не снимающие фуражку по той же самой причине, что и Самсон не стриг свои волосы. Не интересовался я узнавать, с кем у Маруси определенный роман, – зачем это нужно? Но маленькие романы в смысле симпатии, душевной беседы у нее непрерывные, и в этом смысле я тоже и после обеда, и после ужина, и за чаем много с ней беседую. Сегодня она мне призналась, что недовольна своим положением работницы на судне каботажного плавания и собирается поступить в матросы на корабль дальнего плавания. «Теперь женщине это можно, – сказала она. – Что мы тут, каботажники, тремся, как щуки у берега, хочу видеть свет, хочу в дальнее плаванье».

Весь день этот мы плыли в густом тумане, и только звук сирены да жуткий звон морских колоколов время от времени напоминали нам, что проходим между опасными скалами, рифами, всевозможными Сциллами и Харибдами, этой злой судьбой всех каботажников. К вечеру же вдруг, как это постоянно бывает на Дальнем Востоке, все туманы унесло, и открылось совершенно безоблачное небо, направо самые фантастичные нагромождения скал, налево сиял в вечерних лучах весь океан. Зная, что капитан после напряженной работы в тумане всегда отдыхает у себя на верхней палубе и охотно беседует, я отправился к нему, и когда разговор о ветре, о тумане, о лаге, на который навертывается морская капуста и обманывает в счете, исчерпался, я, желая перейти на какую-нибудь общую тему, сказал ему о Марусе, что она собирается плыть матросом вокруг света. Капитан вдруг почему-то умолк.

Мы плыли вблизи берега, но вот уж не желал бы, как Робинзон, приплыть на бревне и даже на лодке к такому берегу, представляющему из себя бесконечный лабиринт скал в протоках, высоких островов, сопков, уходящих перспективно в глубину берега. А там как будто опять блеснит... вода, – ничего не поймешь в этой путанице!

Капитан, чем-то взволнованный, начал мне о себе говорить издали, что вот он был в царские времена простым матросом, чтобы ценою всей жизни достигнуть капитана каботажного плавания. И разве он не мог сделаться капитаном дальнего плавания! Он показал мне на берег: легко ли в тумане плыть возле такого-то берега!

Солнце садилось за более близкую и оттого для нас более высокую сопку, садилось при всей красоте сопутствующих уходу солнца цветов: золота на кончиках волн, голубого за черными скалами, далеких спокойных розовых бухт и лагун и крови на скалах. Но ведь пароход двигался, и солнце опять начинало восходить, и потом снова закат. Ничего подобного в жизни своей я никогда не видал. В восторге схватил я руку капитана и крепко пожал. Тогда он, до крайности изумленный, посмотрел на меня как на помешанного...

Да, разве он не мог сделаться капитаном дальнего плавания; ведь это же гораздо легче, и сравнить нельзя с этим жизнь каботажника; там пустота совершенная, там нет ничего, вода и чайки. Тут вот камень, злая, но все-таки земля, и человек все-таки сам на себя похож, а не на чайку.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
«Чайка – это не Маруся ли?» – подумал я.

Я не мог не любоваться переменой восходов, закатов, переходом сопков, лагун, протоков с места на место, и даже чайками, когда они где-то вдвали между крайними сопками маленькими крылатыми точками пересекали огромное солнце. Но я слушал и капитана, мне даже нравилось, что он журчит, я даже начинал понимать его и захотел подзадорить.

– Вы пустоту дальнего плавания, – сказал я, – назвали чайками, а Маруся сказала о каботажниках, что они, как щуки, трутся у берега.

– Да, да, именно щуки, – сказал капитан, – вернее даже одна щука, я единственный теперь остался из каботажников, остальные суда, вы сами знаете, в течение этого одного лета все выведены из строя, все в ремонте. Я единственная щука, и все на меня теперь и взвалили. Да, есть капитаны дальнего плавания и есть капитаны каботажного плавания, я каботажник, мое суденышко маленькое, но я держу его чисто. Вот если грузят сено и железо и если я нормальный человек, то буду грузить вперед железо и на него сено. Все море – это обман, а настоящая жизнь на земле, в краю: край нужен человеку, чтобы нога твердо стояла, тогда хорошо и на море смотреть.

В это время солнце наконец-то по-настоящему село, и тогда на оранжевом небе там и тут стали вырастать силуэты лиц с волосами: лица – скалы, волосы – лес. В этих скалах между разными фигурами стоял и капитан-каботажник, а в другую сторону сияло море, и туда в бесконечную даль уплывала на парусах прекрасная китайская шхуна, шампунька.

Лотос

Поэзия океанских островов предполагает кораблекрушение, и надо, чтобы человек спасся, вышел на берег без человеческих тропинок и начал жить по-новому среди невиданных зверей и растений. Без кораблекрушения жизнь на ограниченном пространстве, где все стало известным до мельчайших подробностей, где нет даже просто людей прохожих, безмерно скучней, чем на материке, но только творцами робинзонов был дан в свое время такой толчок, что от чар океанских островов мы до сих пор не можем освободиться и болеем островным ревматизмом. Я говорю о тех нас, кто в свое время зачитывался морскими романами и сокращенным для детей Робинзоном. И должен сказать, что на острове фуругельма в Японском море среди цветов и птичьих базаров, наблюдая жизнь голубых песцов, я не только не потерял, но даже и подогрел в себе эту островную детскую сказку. Но потом на более близких к матерiku островах архипелага Петра Великого романтика моя начала пропадать.

Я спустился к морю, перешел небольшую речку и стал взбираться на гору, чтобы избавиться от болотной сырости, в которой утопала нога. К моему великому изумлению, поднимаясь вверх, я не только не освобождался от болотной сырости, но даже чем выше, тем становилось все сырее и сырее. Вместе с тем и в мыслях своих я не только не расширялся, как это обыкновенно бывает при подъеме в горных местах, но, напротив, я запутывался в мыслях о жизни маленьких людей на острове и ставил вопросы вроде таких: «Остров ли виноват в такой тусменной жизни, или же в глухих местах подбираются люди такие?» Даже и озеро, на которое мне хотелось посмотреть, отвлекло от маленьких людей меня на очень короткое время: озеро это тоже было окружено болотом. По всей вероятности, в давности оно было проливом между двумя нынешними бухтами; заключенная в берега соленая вода мало-помалу пересохла, и с гор из родников набежала пресная вода. Я не находил сухого места на горе от этой воды, даже на самой горовой покати сочилась вода, и нога на крутосклоне тонула в грязи: троп не было, каждая тропинка, даже зверовая, оленья, превращалась в поток, и сейчас же в этом потоке набирались камешки и громоздились друг на друга, как в настоящей горной реке. Так в поисках сухого места я все выше и выше забирался по горе, и мне так и не захотелось спускаться к озеру, чтобы, как я это всегда делаю, внимательно рассмотреть береговую растительность. Я думал с неудовольствием вообще об этих озерах и лагунах на островах Приморья: величие моря делает эти озера и лагуны нечистоплотными лужами. С удивлением одно время смотрел я на высокую женщину, идущую там вниз, у озера, зачем-то по колено в грязи, и вот в какой онегинской форме с досады пробегали при этом во мне чувства и мысли: «Влюбляться, – думал я, – и проходить, а не задерживаться на островах, где нет даже прохожих людей; влюбляться во все и ничего не любить – вот счастье путешественника: чуть ведь только полюбил, и это надо уже беречь от другого, ревновать, защищать и в конце

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru концов служить и в этом трудном служении забывать тот самый цветок, из-за которого когда-то влюбился и потом полюбил!» И так почти до самого перевала я не мог найти сухого места и только уж, спускаясь по той стороне, я вышел на сухую тропу.

Мало хорошего видел я, но, уезжая на пароходе, разговорился в кают-компании с одной дамой, бывшей со мной одновременно на этом острове. Я рассказал ей о полном крушении сохраненной мной с детства робинзонады.

– А лотос видели? – спросила меня эта женщина.

Вот тут и оказалось, что когда я поднимался в гору и, поднимаясь, все больше и больше лез в грязь и сам на высоте, будучи по колено в грязи, удивился той женщине внизу у озера, то это была она: эта женщина шла по грязи, желая взглянуть на цветущий в озере большой розовый лотос. Она занималась когда-то ботаникой и очень мечтала когда-нибудь попасть на Дальний Восток и посмотреть на реликтовую флору. Но из-за детей она не только не могла поехать, но даже пришлось и вовсе забросить науку. Теперь муж ее ехал в командировку на Дальний Восток, она кое-как устроила на время своих детей у родных. За два месяца работы нашла несколько новых видов каучуковых растений, драгоценных для нашего времени, и на прощанье вот заехала сюда, на этот остров, только затем, чтобы посмотреть на лотос. И она была в восторге от необыкновенно прекрасного громадного цветка: «Это на всю жизнь останется».

Вот только теперь, рассказывая о животных и растениях Дальневосточного края, ничего не могу рассказать я о лотосе. Вспомнив эту историю, я нашел в своих записках: «Влюбляться, проходить – вот счастье путешественника: чуть ведь только полюбил, и это уж надо беречь, ревновать, защищать и, конечно, служить и в трудном служении забывать тот самый цветок, из-за которого когда-то влюбился и полюбил». Прочитав эту мысль онегинских времен, я приписал: «Можно и путешествовать, и влюбляться, и проходить, и любить, и можно служить, не забывая о лотосе».

Тайфунчики

К первому сентября лучшие старые рогачи свое яркое солнечно-защитное одеяние переменяли на скромное зимнее. Фазаны из бурьяна стали перебираться на азиатские пашни. Кулики летают табунками. Вот конец виноградной лианы, огромной, завившей довольно большое ореховое дерево, пожелтел, и конечный листок все же треплется. Вечером пошел дождь, а ветер все креп и креп, превращаясь в длительный тайфун. Сiju в Сидими, закупоренный в даче Бриннера, и думаю о прошлом владельца дачи, недавно убежавшем в Китай. Все построено очень дельно, только с немецким вкусом, убивающим всякую красоту: бюргерская дача. Теперь внизу тут устроилась испытательная станция. Есть уже микроскоп и еще кое-что, на стенах показательно развешаны панты и сухие рога пятнистых оленей. Но электричество еще было без тока, водопровод без воды, термометр без ртутного шарика, валялась на балконе клетка без птички...

Сiju день, другой, третий, тайфун не прекращается. Большие птицы показываются и прячутся совсем черные, а кричат, как серые вороны. Серебристый тополь, битый и перебитый тайфуном, вывернул свое белое серебро, как зверь в последних мучениях вывертывает белок своих глаз. Истощенным голосом возле тополя вот уже третий день пищит какая-то маленькая птичка. Старуха на это обратила внимание, пожалела, предполагая, что тайфун убил ее детей. Заведующий испытательной станцией сказал:

– На тайфунчики не обращайтесь внимания, еще день, два, и вернется чудесная погода, и так на весь сентябрь, октябрь, а может быть и в половине ноября все будет стоять наше осеннее дальневосточное лето.

Гон пятнистых оленей

В Приморье нет того ровного времени, которое у нас определяется одним словом: зима или осень, весна или лето. У нас снег и мороз разделяют год на два времени года: холодное и теплое. Кроме того, много значит и свет, – точно так же, как о холодном и теплом времени, можно сказать о темном и светлом. В Приморье снег имеет мало значения, старожилы замечают, что сколько дней идет снег, столько же дней бывает ветер, сдувающий этот снег. А то в январе вдруг так станет тепло, что не только снег, а хоть в одной рубашке ходи. Точно так же и свет определяет время против нашего скорее даже в обратную сторону: в летнее время, когда наступает желанное царство света, здесь туман, а осенью, когда у нас тьма, тут

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru над желтой высохшей землей является солнце, и такой свет, такие он создает чудеса из моря, неба и уцелевших остатков летнего покрова земли... Особенно хороши такие осенние дни на Гамове, на Туманной горе, где скалы покрыты редкими для Приморья, капризно-фигурными погребальными соснами. И на Туманной горе лучше всего в падах Голубой, Барсовой и Запретной. В этих падах, обращенных к морю, я охотился со своей фотокамерой не только на пятнистых оленей, я охотился от первого луча восходящего солнца и до последнего прямо на самые эти лучи, падающие рано утром на горный камыш, украшенный кружевами первых морозов, или когда мороз обдает росой, большими светлыми каплями на черном фоне скал или лазурной бесконечности Тихого океана.

Гамовский парк пятнистых оленей состоит из двух парков: Старого и Нового. Старый парк – это по существу одна гора Туманная, которая со всеми своими падами и распадками представляет почти что остров: бухта Витязь с одной стороны и бухта Астафьева с другой стороны омывают шейку, соединяющую горный узел Туманной горы, этот почти остров, с Новым парком. На этой стороне шейки, где бухта Витязь, и расположены все постройки оленьего совхоза «Мыс Гамов», на противоположной, у самого берега бухты Астафьева, живет главный егерь совхоза и первый отбойщик, старинный таежный охотник, сотрудник В. К. Арсеньева в его экспедициях, Иван Иванович Долгаль. Вот тут, между двумя этими бухтами, раньше и была сетка, заключающая в безвыходность всех пятнистых оленей Туманной горы. Мало-помалу олени, заключенные в определенном пространстве, хотя и на всей таежной воле, без подкормки, без всякого вмешательства человека в свою жизнь, кроме этой сетки и отстрела рогачей, повыбили корм, сильно размножились и от недостатка питания стали снижать вес. Тогда сетку перенесли далеко к Андреевской бухте, и парк от старой сетки до Андреевской бухты стал называться Новым. Научный работник Гамовского парка, известный исследователь соболей на Шантарских островах, Дулькейт, говорил мне, что ланки, или оленухи, вообще неохотно выходят за пределы Старого парка, и Туманная гора продолжает быть главным местом гнездования; напротив, рогачи держатся более в Новом парке и под конец гона всей массой уходят на противоположную сторону, к сетке, за восемнадцать километров от оленух Старого парка. Они как будто стремятся после гона куда-то уйти и возле сетки выбивают тропу. Дулькейт сделал предположение, что из-за этого ухода рогачей и привязанности оленух к месту гнездования некоторые из них могут остаться неоплодотворенными.

14/х

Катер высадил меня в Андреевской бухте, и все восемнадцать километров Нового парка до Старого, где живет Дулькейт, я должен был пройти пешком. Задержался в Рисовой сторожке, где живет воспитанник старого хозяина парка Янковского егерь кореец Том Цой. Выспрашиваю его о жизни пятнистых оленей, как и всех, по внешности беспорядочно, а внутри держу строгий план, разбив жизнь оленя от рождения до смерти на определенное число вопросов. Вот один из вопросов: когда слышал первый рев? Том слышал 9 сентября. Место гона, по его словам, большей частью верх пади, в ямке перед гривой.

В девятнадцатом году из Сидими и других оленников прислали оленей по пяти пудов весом, и на хорошем гамовском корме они скоро достигли веса в семь с половиной пудов. Теперь опять появились пятипудовые. Причины в оскудении парка, и клещи размножились: очень изнуряют. Вследствие истощения гон растягивается и бывает даже в декабре. Если же гон, то и отел тоже растягивается. В таком роде занимаюсь с Томом часа два и уношу от него целую тетрадь об олене.

Прошел восемнадцать километров и ни одного оленя не видел и не слышал рева. Какой-то зверь вытурил из норы енота, и он перебежал мне дорогу. Бухта Витязь большая, просторная, красивая. Уютный домик, где живет научный сотрудник Г. Д. Дулькейт. В пять вечера ясно, ветер свежий с юга, и он, вероятно, мешают: оленей не было, только видели двух оленух, стояли в тени, быть может они ждали рева, выслушивали? В сумерках послышался рев рогача, одного, другого. По пути в Астафьево спугнули еще одного рогача, вероятно он почуял нас по ветру и скрылся. Возвращались в полной темноте. Ветер продолжался. Небо звездное. Гуси летят, вероятно гуменник (валовой пролет в конце октября). Раньше гуменника во второй половине сентября летит лебединый гусь (китайский). Казарки летят только весной, а осенью возвращаются каким-то другим путем. Что-то случилось в горах, вдруг раздались свист множества оленух. Волк или барс? Собака Дулькейта Ол (гордон) залаяла, фыркнул барсук. При свете спички мы заметили его силуэт и ранили. Ол доконал. Так, оказывается, на енотов и барсуков здесь существует правильная охота с фонариком и собакой. Барсуки злые; обыкновенно дерутся; но еноты

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru замирают, из-под собаки легко можно брать живьем. Мех енотов очень хорош для летчиков. По предложению из Москвы стали разводить енотов во множестве – и вдруг эпидемия. Болезнь пока не определена, но разгадка опустошительной эпидемии крайне проста: енот очень дешевый, значит, тратить на него нельзя много, как например на канадских лисиц, нельзя на малые деньги достигнуть чистоты, ухода, питания.

Дулькейт, наблюдавший очень много пятнистых оленей, просит меня выбросить из головы представления, созданные о их гаремах по немецким описаниям гона благородного оленя. Случается у пятнистых оленей, что сайки стоят с матерью, и рогач не отгоняет их. Бывает, напротив, за оленухой бежит саёк, а сзади его рогач, и саёк покрывает оленуху, а рогач смотрит куда-нибудь в сторону. А то рогач погонится за другим, да и вовсе не вернется к своему гарему. Случается, из кустов покажется какой-нибудь ничем не замечательный рогач, а хозяин-великан без всякого сопротивления оставляет свой гарем.

Лунною ночью олень бывает виден, и к нему можно близко подойти, ночью олень чувствует себя хозяином. Днем олень, кажется, самое пугливое существо в мире.

Еще рассказывал Дулькейт из жизни оленей, что однажды в снежную зиму каким-то образом в парк проник дикий олень; он был, конечно, голоден, быть может умирал с голоду, а парковым оленям была дана подкормка, и они ели у кормушек кукурузу. Завидев дикого, все они бросились к нему и прогнали.

Еще Дулькейт рассказал, что раз зимой к стогу пришла старая оленуха и умерла. На ней были следы от ударов других оленух. Что они, увидев умирающую, забили ее по принципу «падающего толкни», или, может быть, это она не пускала их к сену и они все за это на нее напали? У этой умершей оленухи был плод. Как общее правило, надо принять, что оленухи рожают до смерти и что плод бывает причиной последнего, погибельного истощения. Вечером после ужина мы вышли на крыльцо. Большая Медведица с левой стороны нашего дома вытаскивала из-за хребта последнюю свою звезду. И в том самом месте, где кастрюлька Медведицы опиралась углом своим на гору, слышался рев оленя, он очень редко повторялся, и еще слышался рев другого.

15/х

Олень ревел утром при звездах на том же месте, где вечером, и еще один ревел напротив нашего домика и направо на горе, из-за которой должно было выйти солнце. По лесенке я забрался на крышу и стал наблюдать. На рассвете недалеко от сенного сарая показался черный и важный рогач, навстречу ему шла оленуха, и он пошел к ней навстречу и даже разминулся с ней, как будто шел по своим делам дальше; но только она миновала его, – вдруг он повернулся и за ней, она в рысь, и он в рысь, она во весь дух, и он во весь дух, и так оба исчезли в кустах.

Направо у подножья горы, закрывающей солнце, было несколько оленух, не менее десятка. Из этого стада вышли два рогача и стали подниматься по горе, медленно расходясь под углом, потом оглянулись и стали медленно сходить под углом: пройдут по два шага, потом станут и долго косятся, как петухи. Между тем внизу, возле гарема, замаскированный от наблюдения высокой травой, вдруг обнаружился громадный рогач. Так вот и являлся гон на рассвете: стадо оленух внизу под горой и возле них ходит рогач, повыше на горе стоят два рогача-ассистента, неустанно следя друг за другом. Потом солнце вышло из-за горы, ослепительно засверкала кристаллами мороза трава, и наблюдать оленей на этой горе стало невозможно. На другой же горе рогач медленно уводил оленух за перевал. В распадке, заросшем широколиственным кустарником, слышался рев на все лады, и просто и-и-и (свист) и о-о-о (рев), и еще вроде ав-ав: как будто олень ругался. Можно было понять, что издали множество побочных звуков пропадало.

Д. пришел ко мне и таинственным знаком попросил следовать за собой. В сенях он остановился и попросил меня слушать: что-то гудело, вроде того, как от ветра гудит телеграфный столб.

– Что это? – спросил он.

Я не мог объяснить.

– Вот уже три дня гудит, – сказал Д.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Пришел китаец. Д. спросил его так же, как и меня. Китаец вслушался и вдруг переменялся в лице.

– Война будет! – сказал он.

– Уже есть, – ответил Д. – Вчера в городе мне передавали, будто японцы высадились в Корею: война с Китаем началась.

– Я тоже это слышал, – сказал китаец, – а давно ли это гудит?

– Дня три.

– Да, дня три началось.

Китаец взял свои ведра и дальше пошел. А мы принесли лестницу, вынули потолочную тесину и между этой, потолочной, и другой, повыше, темное пространство осветили карманным электрическим фонариком. Электрический луч в один миг уничтожил суеверие: между потолочинами гудел бражник, большая бабочка. Вот и все! Исчезла вся таинственность. Но мне показалось тоже таинственным из рассказа Д. о бабочках. Однажды в Сучане ночью на свет слетелось столько бабочек, что ухо явственно различало шелест их крыльев. Сколько же их было? И какие они большие в этом крае! Вот бы послушать ночью шелест крыльев уссурийских бабочек.

И что особенно показалось мне замечательным, это тот же самый электрический луч, уничтоживший суеверную тайну, самый этот луч сегодня вечером может привлечь насекомых, и мы будем слушать естественную тайну шелеста крыльев уссурийских бабочек в ночной тишине.

После чая я пошел левой стороной бухты возле Туманной горы и против солнца снимал горный камыш. Не доходя мыса Шульца, сбился с тропы, но потом нашел ее и, перевалив сопку, увидел Голубую падь и в ней в полгоры ныне оставленную сторожку. Потом на лавочке возле этой пустынной избушки я отдохнул и начал лазить по скалам, чтобы при помощи снимков зеленых пиний, черных скал на фоне голубого моря хоть как-нибудь на панхроматической пленке изобразить себе на память прелесть Голубой пади. После того я спустился к ручью и в каменной россыпи потерял тропу. Перейдя ручей, задумал подняться на самый верх, идти дальше по хребту, как барсы ходят и тигры, по тому самому хребту я шел, где некогда был изловлен сразу четверьям грелевскими капканами барс, о котором я записал интересный рассказ. По пути наверх не раз слышался свист и последующий за тем топот спугнутых мною оленух. Но рогачей совсем не было слышно. Я не добрался до самого верха, потому что вслед за Голубой падью открылся вид на Запретную и рядом с ней на Барсову. Поснимав погребальные сосны в Запретной пади, я перебрался в Барсову падь, спустился почти к самому морю и без тропы с трудом одолел подъем по Барсовой пади, по Запретной перешел обратно в Голубую. Солнце было уже над самым морем, когда я снова отдыхал на лавочке возле сторожки. Мыслей в голове у меня, кажется, не было никаких, но, может быть, было что-то лучше и важнее всяких мыслей: мысли об этом после начинаются, спеют, как яблоки, и падают.

16/х

Оленьи повадки в это время года такие, что около пяти вечера все они выходят из кустов в открытые пастбища и там проводят всю ночь, а после восхода солнца медленно стягиваются и к десяти утра все убираются в кусты.

В четыре вечера за мной приходит самый опытный охотник Долгаль, чтобы показать мне гон оленей на пути их перехода из бухты Теляковского в бухту Астафьева. Разговор наш начался о предположении Дулькейта, что будто бы в Старом парке некоторые оленухи могут остаться неплодотворенными.

– Так это вам Георгий Джемсович сказал?

– Да, он сказал.

– А не спросили вы его, отчего истощается олень во время гона?

– Нет, я не спрашивал, я сам знаю: рогач худеет оттого, что не ест почти ничего и ревет.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– А главное, что много ходит по следам оленух, но воздуху чует и ходит с одного конца парка за восемнадцать верст, он может за ночь это пройти, если только есть охочая оленуха. Возьмите любую точку времени, вот хоть сейчас, много ли в эту точку есть охочих оленух? Очень даже мало, а рогачи все в охоте и все рыщут, и для них следы на земле и ветер, и она ведь тоже не иголка, и раз ей охота, то тоже и ей незачем прятаться, как же им ее не найти. Ах, Георгий Джемсович! Рогач не ест, рогач ревет, рогач рыщет в парке из конца в конец. Рогач не человек, он не на службе, у него довольно времени. У рогача служба одна, как бы верхом сесть, а Георгий Джемсович нашел каких-то неоплодотворенных оленух.

Трудно было представить себе более расстроенного человека, чем этот старый охотник. Я даже начал колебаться в себе, а что если я как-нибудь ослышался, не так понял.

– Иван Иванович! – сказал я. – Извините, пожалуйста, я, кажется, спутал и вспоминаю теперь: это мне сказал не Дулькейт, а заведующий снабжением Тарасов.

– Тарасов! – обрадовался Долгаль. – Ну это совсем другое дело, Тарасов это может сказать.

Так мы перешли Малиновый ключ и мало-помалу поднялись на песчаный хребет. Тут на песке было множество следов, и вид открывался нам с высоты тигрова или барсова глаза, когда эти звери залягут в камнях и смотрят то в ту, то в другую сторону. За перевалом в направлении к мысу Орлиное гнездо были темные синие тучи, земля же была вся желтая, как песок, и на ней, на желтом, кое-где, как густо пролитая кровь, стелющиеся кустики азалии с покрасневшими от осени листьями. Вдали белые волны разбивались о черные скалы. Какое-то «Томящееся сердце» – такое название камня: будто бы камень этот от напора волн шевелится и потому назван сердцем. Задорный мыс Орлиное гнездо убран весь ажурно-фигурными погребальными соснами. А желтое – это не песок, это пожелтевший горный камыш, если же наклониться и рассмотреть, то у самой земли есть низкая зеленая травка, и вот из-за этой травки на вечер олени выходят на открытое пастбище. Их переход из кустов бухты Теляковского к открытым пастбищам бухты Астафьева ко времени нашего прихода был в полной силе. На пастбище против Орлиного гнезда стоял неподвижно, как монумент, рогач.

– Чего он стоит?

– Где-нибудь есть оленуха.

– А вот те восемь рогачей, почему они вместе и нет возле них оленух?

– Какие-нибудь неудачники, а вот глядите на средний увал, видите?

– Кажется, камни.

– Кажется, камни, да, а это оленухи, штук сто. Ну, так вот и те восемь рогачей с ними как-то связаны. Глядите, вон тот отдельный, видите?

– К нему подходит оленуха из распадка, вон другая, третья...

– Их там много в распадке, это все одно стадо, они все в связи.

На увале даже простым глазом были видны прямые и косые тропы, с косых троп на центральную сходились олени, и было через это понятно, что все олени были в связи и все огромное стадо в сотни голов, разбросанное в падах и распадках, в общем движется медленно куда-то дальше в направлении бухты Астафьева. Отдельные группы в этой массе формировались и распались.

– А где же гаремы? – спросил я. – Вы слышали о них?

– Слышал, только это один разговор, а настоящих гаремов нет никаких, просто кучка оленух, и одна из них охочая, и вот из-за нее и весь гарем, потому что не сразу она дается, а как далась, вот и кончился гарем.

– Но почему же если не только охочая, но любая оленуха задумает удалиться из стада, рогач ее возвращает?

– Олени держатся стадом, зачем неохочей оленухе отбиваться от стада? А может быть, хочет убежать та самая, за которой ухаживает рогач и только выдумали, что он всех держит. Да и как сказать, разве к ним в душу-то залезешь? Мало ли по какой причине он держит оленух в кучке. Но только это верно, гаремов постоянных нет, а когда рогач достигнет своей оленухи, то зачем ему гарем? Достигнет своей, понюхает воздух, уверится, что в этой оленухе для него больше нет ничего, и сразу снимается с якоря.

Верно ли?

Вон из кучки, очень похожей на гарем, вырвалась оленуха, и рогач за нею летит. Они прибежали к распадку, где высокая трава и деревья. Он ее настигает, но в последний момент она ложится на землю в траву, а он поднимает нос вверх, рога закладывает на спину и ревет.

Мне вспомнилось, еще о рогачах говорили, будто они собираются большими стадами возле сетки на другом конце парка, и, стремясь выйти в тайгу, выбивают возле нее тропу. Таежный следопыт легко отвечает на этот трудный вопрос:

– Потому так, что в тайге рогачи после гона непременно уходят в более глухие, отдаленные кедровники. Олень-рогач – все равно, что цыган. Оленуха-другое дело, она местная и за ним не идет. Рогач это постоянно, как гон кончился, идет в кедровник. И если сетка на пути, то вот они все и собираются возле сетки.

Быстро темнело. Дул холодный, пронзительный ветер. На фоне красной зари виднелись черные силуэты камней россыпи, разные были фигуры и среди них, казалось, тоже были олени: рогач, оленуха, другая оленуха, саек...

17/х

Ночью был шторм, норд-вест. Утро ясное. Егерь доложил, что на той стороне парка с воли пришли два дикие рогача и стоят у сетки. Так вот сама жизнь указывает способы обновления крови. И так ясно, что парк нужно сделать в самом обильном оленями месте, например в Судзухе, и устроить так, чтобы дикие олени могли проникать к парковым оленухам.

Ходил фотографировать Малиновый ключ, чрезвычайно типичный для южно-приморской тайги. Я его несколько раз уже пробовал снять, и все мне это не удается. Горный ключ бежит, не обращая никакого внимания на ветер. И вот почему мне все не удается верно снять его: цветовое впечатление так сильно, что не хватает спокойствия прочитать картину только по свету и тени. Ветер обрывает хваченные морозом красные листья винограда, обнажает черные теперь, сладкие после мороза ягоды винограда. Особенно красивые розовые тона дает мелколиственный клен. И вообще я замечаю, красного в здешнем осеннем лесу гораздо больше, чем у нас в средней России, где желтое сильно преобладает над красным.

В полдень на коне Поцелуе с заведующим совхоза я отправился на другой конец Нового парка, за восемнадцать верст. Заву, между прочим, было дело там: уволить егеря П.

– По какой причине увольняется егерь? – спросил я.

Администратор помолчал и сказал:

– Белый чехословак.

После того я довольно долго ждал продолжения. Седло съехало. Повозился с седлом. Пустил в галоп, догнал. Поравнялся, и тут наконец-то зав продолжал разговор о чехословаке:

– Со времени интервенции их тут двое осталось: конечно, примазались. Одного утащил осьминог.

– Спрут?

– Очень просто. Вышли они купаться в камнях. Вот спрут обхватил одного и утащил в море. А другой остался.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Больше мы ничего не говорили о чехословаке. Эта поездка дала мне представление о Новом парке, так что я мог себе представить схему распределения оленей в обоих парках в настоящее время. Оленухи теперь держались в Старом парке, а в Новом – от 2-й Сенокосной пади и до Рисовой. Кроме того, они занимали 3-й юго-восточный склон от бухты Астафьева до Высокого мыса. Рогачи держатся более в Новом парке по западному склону и в пади Белинского по реке Улунчу и до Высокого мыса.

В Рисовой мы узнали, что Долгаль только что вышел ставить нового егеря-красноармейца на место П. Они пошли туда по сетке, мы же доехали до реки Улунчу и Сенокосной долиной, часто спугивая фазанов, доехали до сторожки: тут уже был Долгаль с красноармейцем.

На обратном пути зав уступил свою лошадь старику Долгалю, и мы отправились с ним. По словам Долгалья, Гамовский парк весь продувается северными ветрами, и оленям хорошо можно укрыться только в Старом парке в падах Голубой, Запретной и Барсовой. Действительно, парк в районе реки Улунчу был покрыт низким дубняком, широкие листья коротко были завернуты в желто-серые трубочки. Эта зимняя картина пастбища совсем изменилась, когда мы приехали обратно к Астафьевскому ручью, тут многие дубки были еще совсем зеленые, другие с листьями, краснеющими лишь по краям. Выбрав один из листьев молодого дуба, из самых крупных, я измерил его и теперь изумляюсь размерам листа молодого маньчжурского дуба гораздо больше, чем там, лист был пятьдесят на двадцать шесть сантиметров. В то время как мы выезжали из сторожки, шторм был такой сильный, что мы колебались, ехать ли нам через хребет или кругом. Мы поехали прямо, и когда поднялись, на хребте было совершенно тихо. Долгаль сказал, как принято, на китайский лад:

– Ветер кончал.

Чтобы так вдруг, у нас никогда не бывает.

18/х

– Вот ведь как ухаживает! Как он ищет, как рыщет! Вот бежит, вот догнал и взять бы... нет! стал: как будто по-человечески, сробел, пожалел. Но нет, не верьте оленю: под предлогом дружбы каждый рогач желает исключительно одного, чтобы удовлетворить свой неумный аппетит.

Так говорит Долгаль, показывая мне из-за камня на оленей. Там проходят они по горному пастбищу возле Орлиного гнезда. Двигутся они медленно, на местах хорошего корма задерживаются, где нет ничего – идут ходко своими собственными тропами. У них вся жизнь на ходу, и еда, и любовь, и также игра. Глядя на идущих оленей, невольно вспоминаешь кочевку киргизов с зимнего пастбища на летнее пастбище: тоже с игрой. Вот один из рогачей направился к оленухе, она его заметила и отошла, он упорно за ней, она в рысь и нырнула в кучу оленух, спряталась между ними. Напрасно! Он знает, какая она, и врзается в маленькое стадо. Теперь выбегает она и надеется на свои ноги, мчится и он, рогатый и тяжелый, черный, бежит как будто тяжело, а между тем расстояние между ними все больше и больше сокращается. Они прибежали к тому месту, где овраг-распадок начинается ямкой, заросшей горным камышом, у этого основания распадка стоит единственное дерево, раскидистая погребальная сосна. Пусть ледяной ветер свистит, тайфун и мороз стеклит заводи, все равно: свет 42-й параллели и тут у порога суровой зимы остается таким же высоким и светлым, как в Ницце, в Крыму, и погребальная сосна от этого света на желтую траву бросает на весь день переходящую, как часовая стрелка, резкую тень. Сюда, в эту ямку распадка, в горный камыш, под тень погребальной сосны, бросилась оленуха, и он перед лежащей остановился как вкопанный. Тогда сила энергии бега и гона со всем своим содержанием неумного желания, распаленного близкой возможностью, вдруг обрывается. Рогач закидывает свои рога на спину, поднимает вверх голову, и оборванная энергия пола трансформируется в звук: олень ревет. В этом реве мой слух ясно улавливает лирическую нотку, она находится на перевале оленьего высокого свиста в низкий рев, тут где-то есть нотка, в общем дающая реву пятнистого оленя окраску не то обиды, не то жалобы, отличающей очень резко рев пятнистого оленя от грозного, почти тигрового рева изюбра. Есть что-то сибирское, кедрово-свежее и сильно-грубое во всем существе красивого изюбра. Но пятнистый олень – редчайший остаток далекого субтропического прошлого края – собирает в свой тип изящество, грацию.

Олень ревет, оленуха лежит в камыше. Олень наклонился к земле, от нечего делать пробует пощипать траву, но есть не хочется. Он просто стоит и дожидается, то

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru повернется к морю, то к тайге, то глядит вслед проходящим стадам... И вот ему-то не видно за двумя сопками, а нам с большой высоты хорошо видно, что там далеко против линии общего движения оленей на пастбище идет не спеша один громадный рогач, мы видим, как он почему-то осторожно спускается с горы вниз, и догадываемся, что поднимается теперь по невидимому нами склону. Вот и правда: показались рога из-за сопки, голова рогатая, грудь и весь он черный, большой, широкий и важный. Мы опять не можем, рассматривая в бинокль, понять, что такое задерживает его ход, что он рассматривает. Второй раз мы видим, как он спускается, и потом скоро вырастают рога из-за ближайшей к нам сопки; теперь становится все совершенно понятным, – рогач потому так медленно шествует, что постоянно наклоняется к земле и проверяет след: он идет по следу охочей оленухи и, может быть, давно уже идет. Но вот как раз по этой гриве только что прошло целое стадо, и рогач потерял след. Кто знает, быть может, желанный след оставила та самая оленуха, которая лежит, не смея встать, осажденная неуемым рогачом? Рогач, пришедший сюда, потерял нижний след, высоко поднял голову, втянул в себя ветер и, сообразив направление, двинулся вперед. Он спустился в неглубокую лощину и поднялся. Взбирается вверх как раз в направлении той единственной сосны, бросающей резкую тень на горное желтое пастбище. Первый рогач из-за сопки ничего не мог учуять, он просто глазел и случайно пришлось, что глазел именно в сторону дерева, и вдруг оттуда вырастают рога, да еще какие! Появляется голова...

Иван Иванович шепчет мне из-за камня:

– Сейчас увидите, первый рогач снимется с якоря.

И он угадал: первый рогач, как только увидел голову, повернулся и стал в сторонку, большой рогач стал на его место. Но ему показалось, что тот слишком близко стоял. Желая подальше отодвинуть соперника, сильный рогач только повернул голову в его сторону, выкинул язык набок, прохрапел, и тот сразу отошел немного подальше. Егерю это понятно. Он служил одно время при домашнем питомнике и выходил пойманного им олененка. Вырос добрый олень Мишка, такой ручной, что принимал от людей даже папироску и вроде как бы покуривал. Постоянно играл он с людьми и в шутку боролся с ними, все больше и больше понимая, что люди сами по себе существа очень слабые. Забрав это себе в голову, Мишка однажды решил попробовать свою силу и своими шишками так поддал, что егерь отлетел к сетке и растянулся на земле бесчувственным. Мишке же очень понравилось пускаться по воздуху егеря.

– Смотрю, – рассказывает егерь, – этот самый Мишка стоит возле меня, голову нагнул, глаза кровью налились и собирается дать мне. Ну тут из всех сил схватил я его одной рукой за шишку, другой за ногу, налег со всей мочи и грохнул его. С тех пор он знает меня хорошо, всех бьет, а как я вошел, подумать об этом не смеет.

Так точно и вот этот рогач, просто увидев рога и выражение силы, без боя отходит, а пришлый большой становится на дежурство возле оленухи, которая, наверно, но всем признакам вот-вот решится отдаться оленьей короткой страсти. Какая важность, какое величие, а между тем самый большой рыскун спешит прямо по воздуху, не обращая никакого внимания на следы, и вот снова из-за сопки под деревом новые вырастают рога. Что бы тут было? Нам не удалось наблюдать. С другой стороны из кустов вышло новое звено оленьего стада Старого парка, штук семьдесят оленух и среди них штук пятнадцать рогачей разного возраста и сайков. Они как раз в тот момент появились, когда оба рогача-соперника смерили друг друга глазами. Все смешалось в этом новом стаде, кутерьма началась, беготня и возня. Вернее же всего, горный переменчивый ветер-сквозняк дунул нашим человеческим запахом на оленей, и они бросились бежать. На пустом месте под деревом, на оленьей тропе откуда ни возьмись полная оленья семья: впереди саяк, прошлогодний олень, за ним мать-оленуха и за ней олененок. Они как будто проснулись или выскочили из-под земли, не понимая, в чем дело. Долго стояли. Но ветер-сквозняк, вероятно, еще раз перелетел от нас к ним, старая оленуха повернула голову в нашу сторону, поняла и толкнула сайка сначала ногами: «Продолжай, иди не спеша по тропе». А саяк со всей важностью старого оленя смотрел совсем в другую сторону. Она еще раз его толкнула: «Да ну же, дурак, иди, не загораживай!» Он изумленно повернул голову в другую сторону, но тут она так его укусила в спину, что шерсть полетела по ветру...

В дальнейшем я перестал записывать правильно события гона оленей и больше занимался охотой с фотокамерой. Во мне сильнейшее впечатление оставил случай,

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru когда одна охочая оленуха убежала за пределы парка и привела с собой из дикой тайги двух рогачей. И еще мне рассказывали, что один рогач из домашнего питомника во время срезки пантов убежал и, когда начался гон и у него окостенели рога, явился в питомник хозяином положения. Но говорили мне, что могучий олень забьет и одними шишками более слабого рогача. А то один бился по очереди с восемью и последнего даже в море загнал.

ГОЛУБЫЕ ПЕСЦЫ

Три ночи в Посъете

Чтобы попасть на остров Фуругельма, лежащий уже в Японском море, надо на пароходе поехать в Посъет и оттуда всего только несколько часов на катере: фуругельм виден из Посъета. Катер, однако, и то в счастливых случаях, ходит только два раза в неделю. Я ухитрился так приехать в Посъет, что пришлось сидеть тут трое суток в ожидании катера. Посъета бухта – самая близкая к корейской границе. Я был занят звероводством и спешил к голубым песцам на фуругельме! В путешествиях с определенной целью исследования развивается огромная энергия. Малейшее промедление – и начинает мучить «совесть». К этому еще прибавилось, что пароход сейчас же ушел, так что ночью надо было в незнакомом месте искать ночлега. Все в один голос направляли меня в Дальрыбу, и я, поблуждав некоторое время, нашел человека, который указал мне рукой вниз на огонь и сказал: «Здесь Дальрыба!» По лесенке я спустился вниз, и оказалось, что это вовсе не Дальрыба, а частная квартира. Тут меня приветливо встретила еще не старая жена бухгалтера, и, будь сам хозяин дома, я, может быть, решил бы даже просить у них ночлега. Но бухгалтер уехал во Владивосток, и по указанию его жены я направился кругом этого дома в Дальрыбу. Такое совпадение бывает очень редко, но бывает: личность какой-нибудь профессии принимает форму самого предмета; так вот случилось, что человек Дальрыбы был невероятно, до ощущения сырости водяной, похож на окуня. И даже то, что один из его окуневых, с красными оторочками, глаз чисто по-человечески прищурился, намекая на возможность какой-то сделки с совестью, чего никогда не бывает у физических рыб, вот именно этот-то глаз и делал Дальрыбу до невероятности похожим на окуня. Посмотрев мой документ, Дальрыба указал на один из канцелярских столов и, прибавив огня в своей копчущке, продолжал что-то писать.

Канцелярия была довольно обширная, в ней было много столов, занятых спящими, но и свободные были, я мог даже из них себе выбрать подальше от огня, поближе к окну и воздуху и зайчикам лунного света, проходящего в окно Дальрыбы через какое-то большое дерево с гигантскими сложными листьями.

Хочется спать, но все вокруг этому мешает, отчего самая грубая действительность воспринимается в сказочном тоне.

Необыкновенные звуки, очень похожие на фанфары китайских театров, вдруг ворвались к нам в канцелярию, и, постепенно приходя в себя, я убедился, наконец, что это не во мне, что это из открытого окна и даже, что у окна кто-то сидит и слушает это.

– Что это такое? – спросил я, не вставая со своего ложа.

– Это ихние лягушки, – ответил мне голос в неодобрительном тоне в отношении лягушек и очень сочувственном мне в том смысле, что настоящие лягушки наши, а эти – так какие-то.

Подойдя к окну и послушав концерт очень быстрого темпа, считая для себя неловким сидеть возле незнакомого человека и молчать, я сказал:

– Много же их, и здорово действуют!

– Много-то много, – ответил он, – и здорово, но наши все-таки крепче!

После того как бывает у собак, что только чуть понюхать надо друг друга и разойтись, после наших слов нам стало так, что можно хоть всю ночь рядом сидеть, смотреть и молчать. Да, вот и хорошо же было помолчать. Концерты лягушек это были самые громкие звуки, а было еще много всего от кузнечиков, цикад, и все не по-нашему. И какие огромные листья, и в тени их сколько летающих огоньков, и сколько влаги на листьях! Капли собирались и, падая на что-то металлическое внизу, издавали звуки, как будто это ударяло в колокол. Дерево заслоняло собой море, но прибой доносился снизу отчетливо, и оттого казалось – мы находимся на

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
большой высоте. Так, набрав в себя и ухом, и глазом, и дыханием много чего-то особенного, я лег на свой стол и в тонком сне начал продолжать из того материала звучного и летающих огней создавать какие-то большие зеленые светлые волны.

Как и нужно было ожидать, утром оказалось не то: дерево, маньчжурский орех, само по себе было таким же необыкновенно большим и с такими же громадными листьями, но вокруг все было загажено и среди всей этой человеческой дряни с газетными бумагами у дерева висел чайник для умывания, капли влаги с листьев падали в этот чайник, и он, переполненный, капал на такую старую ванну, что даже цинк, тускло-мертвый ржавеющий металл, все-таки изменился и пожелтел. Ни малейшего разочарования у меня при виде этой картины не было. Ведь стоило отойти несколько сот шагов за границу хозяйства Дальрыбы, чтобы снова стало все интересным. Я умылся, закинул свою спинсумку, привязал к поясу чайник и отправился в горы варить себе чай. Целый день я занимался по-своему, как я умею это и как привык: спускался к морю купаться, ел в корейской столовой акулу, снова поднимался, ловил рыбу с корейцами. Много было всего за целый день, а когда солнце стало склоняться к вечеру, спустился в Дальрыбу, чтобы загодя выбрать себе в канцелярии стол поудобнее. Намаявшись за день, я мечтал о канцелярском столе так же, как избалованные мечтают о пуховиках. И вдруг дверь Дальрыбы не поддается мне, нажимаю сильнее – заперто! И такой голос суровый слышится сверху из форточки: «Чего ты ломишься, обуи глаза, разуй нос». На этот грубый голос я не мог даже и огрызнуться; действительно, стоило только поднять глаза чуть выше дверной ручки – и делалось все понятным: там висел замок.

Видя мою растерянность, человек, говоривший со мной в форточку, смягчился и посоветовал искать ночлег на промыслах на той стороне бухты.

– Только идите, – сказал он, – вон по той тропе верхом, а то, кажется, на нижнюю тропу скала обвалилась и не пройти.

Я это уже заметил, побродив целый день: туманы, тайфуны и особенные климатические условия создают здесь быструю смену в природе, все кипит и бурлит, рождается и падает в горах часто прямо на глазах человека.

– Нельзя ли, – спросил я, – хоть где-нибудь, хоть как-нибудь на ночь приткнуться?

– Да где же приткнетесь-то? Вот разве попробуйте у бухгалтерши, хорошая женщина.

– Знаю, – ответил я, – разве бухгалтер вернулся?

– Да, верно, – согласился верхний человек, – бухгалтер в городе.

– Без него неудобно проситься?

– Ну, конечно, неудобно, у них одна комната, идите, пока светло, на промыслы.

Знаю я эти рыбные промыслы, эти вонючие горы иваси, огромные бочки, желтые селедочные фартуки, давленую рыбу под ногами: лучше, кажется, даже на бойне, там хоть страшно, а тут противно, соленую рыбу я вообще терпеть не могу. И вот какая сила привычки: в эту-то теплую, светлую прекрасную ночь мне не приходило в голову переночевать где-нибудь на земле.

Так я двинулся все-таки в сторону рыбных промыслов, но нижней тропой, чтобы своими глазами посмотреть на упавшую скалу. Но оказывается – по-прежнему эта большая скала, подмытая, висит над морем и только один огромный камень упал сверху и давлением своим на придонную гальку так изменил положение грунтов, что вода подалась немного к скале и тропу залила. Можно было, прыгая с камня на камень, сухой ногой перейти это место и по сухой нижней тропе спокойно пройти на рыбные промыслы. Но отчего это бывает? Вдруг догадаешься: никуда не нужно ходить и лучше всего на свете тут же возле себя. Такие открытия, кажется мне иногда, бывают источником самого настоящего счастья.

С каким же наслаждением набирал я себе для ночлега мягкие заросли на суровой скале и таскал это на упавший камень до тех пор, пока не стало на камне так же мягко, как на хорошем матраце. Прибой мерно, как часы планеты, плескался о мой камень, и мне казалось, будто он чуть-чуть покачивается. И в полусне, таком приятном, что вот нарочно держишься, как бы совсем не уснуть, удары прибоя о

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
камень и покачивание самого камня стали так до меня доходить, что скала моя была как бы живым сердцем какой-то большой родной жизни. И как будто я этому своему другу, скале, поверяю теперь тайну одного своего упущенного мгновения, которое поставило мне вопросы о «быть или не быть?» Под мерный счет планетного времени ясность в себе самом сложилась такая, что можно было себе любой вопрос задавать и получался ответ. Если бы только можно было все записать! Так вот о «быть или не быть?» мне стало до крайности ясным, что дело тут не только в происхождении всей мировой культуры, но даже и просто самого человеческого сознания. И у меня это сознание родилось в упущенном мгновении...

А как же у других?

Я нарочно не закрывал глаза, чтобы совсем не уснуть, и мне видна была черная узенькая коса, на которой сидели бакланы и сушили себе крылья совершенно так же, как на монетах раскрывают крылья орлы. Еще я видел, как небольшой катерок пыхтел и натуживался, чтобы снять с камня груженое судно, и канат оторвался. Видел большие хлопоты, чтобы вновь наладить канат, и наладили, и опять он лопнул, и потом в третий раз лопнул, и, вероятно, когда стали судно разгружать, я уснул.

Бывает, муха на сонного сядет, смахнешь бессознательно, она сейчас же опять садится, да и заладит, и вот уж как удивительно это, что между сгоном мухи и следующим ее прилетом успеет нечто привидеться. Так было со мной на камне по раннему утру, из-за мухи сны мои прыгали, и было их множество. Не совсем еще сознавая, где я нахожусь, я стал считать возвращение мухи, насчитал шестьдесят четыре и тогда, поняв, что не простая это муха, а тоже какая-то реликтовая, быть может даже третичной эпохи, я открыл наконец-то глаза. Воды против вчерашнего настолько прибавилось, что камень мой сделался островом, и стало понятно, почему после его падения люди стали ходить не под скалой, а верхним кружным путем. По-прежнему бакланы сидели на узкой косе и напрасно сушили свои крылья: прибой время от времени, хлестнув по камням белой пеной, окатывал брызгами этих больших черных птиц с распущенными крыльями. Они могли бы пролететь немного повыше и успешно сушить там, почему же так? Я не сразу догадался и не буду об этом рассказывать. Если вот так во всем задаваться целью спрашивать и самому догадываться, то в новом краю можно с утра до ночи бродить с таким же захватывающим интересом, как, бывает, попадешь на такую книгу, где по жизни другого человека станешь себя самого понимать и многое непонятное себе самому объяснять. Поняв теперь прелесть удобства ночевки на воздухе, я не торопился и под вечер дождался дождя. Вот и проповедай теперь возвращение в школу природы! Снова я вспомнил об уютном столе в канцелярии. Быть может, приехал бухгалтер? Я вошел в дом, постучался.

– Ах, это вы! – узнала меня бухгалтерша. – Видно, вас к нам только дождь загнал, ну, вот кстати: прямо к чаю.

И мы сели вдвоем за живой самовар. Приятно было, и как еще! Но когда бывает уж очень приятно, с тревогой встает вопрос о будущем: не есть ли эта удача – коварная уловка судьбы, чтобы обмануть спокойствием, а потом подхлестнуть. Дождь лил как из ведра, на дворе темь кромешная, а бухгалтера-то нет и комната одна. Что, если он не приехал? Я от природы болезненно щепетильный человек, я не только не могу проситься ночевать у женщины, ожидающей приезда мужа, но даже вот не смею просто спросить, приехал ли ее муж: в этом вопросе я боялся нескромного намека. Но, конечно, я не стал бы говорить о своей щепетильности, если бы бухгалтерша сама бы мне не предложила. Другого выхода не было, и я, конечно, бессознательно, просто подчиняясь инстинкту самосохранения, начинаю взволнованно рассказывать ей о своей поэтической ночевке на камнях.

– Да на каком же это было камне? – с большим интересом спросила она. – Ведь я же так недавно, кажется, ходила по нижней тропе, никакого камня в море не было и путь был свободен.

– Как же свободен? – сказал я. – Вы помните, там на пути есть подмытая скала.

– Очень хорошо помню: под ней почти что море и надо прыгать по камням. Над этой скалой висел грозный камень, многие боялись его и не ходили нижней тропой.

– Ну, вот этот камень и упал, – сказал я.

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
И опять дальше, как я засыпал под уговоры приборя, как реликтовая муха будила меня.

Мой бессознательный замысел был увлечь соломенную вдову рассказами в глубину ночи и потом вдруг огоршить ее заключением: все так прекрасно было вчера, но вот сегодня добрый хозяин собаку не выгонит на улицу. Мне больше ничего теперь не оставалось, как только увлекать соломенную вдову за собой дальше и дальше: я чувствовал, что бухгалтера не было дома, а женщина еще не старая и ничуть не такая эмансипированная, чтобы в одной комнате с собой укладывать незнакомого человека.

И вдруг она вся подалась мне навстречу. Она полузакрыла глаза, откинулась в кресле и, вспомнив что-то далекое, что-то прекрасное, начала говорить:

– Первый раз в жизни я вижу такого человека, как вы, я никак не предполагала, что можно всегда жить таким чувством, у меня подобное было только один-единственный раз в жизни.

– Расскажите же...

– Не смею.

И зарделась.

Сердце мое запрыгало: после таких признаний не выгоняют человека на улицу.

– Я помогу вам, – начал я, – скажите, где это было?

– Ах, на Кавказе.

– Гора была?

– Как же вы знаете: была гора.

– Со снежной вершиной?

– Нет, вершина была лиловая, и под вечер облачко подошло к ней белое-белое, и одно облачко осталось у вершины, а другое ушло, и ушло, и ушло...

Она замолчала и, вся покрасневшись, потупила глаза. Не было никакого сомнения, что это и было в ее жизни единственное мгновение, которое у себя я вчера вспоминал как упущенное, но я не знал только, было ли оно и у бухгалтерши тоже упущено или, напротив, мгновение с мгновением сошлось, и ей досталось счастье с бухгалтером. Я решил осторожно спросить как-нибудь и узнать, относится ли это событие на лиловой горе ко времени ее первого знакомства с бухгалтером, или тут было что-то совсем другое. Если другое, то я мог вполне рассчитывать на уютный ночлег, если же... Я очень тонко начал:

– Простите, я не знаю до сих пор, как зовут вашего мужа?

Она сейчас же ответила:

– Его зовут Семеном Афанасьевичем, вот на Кавказе именно тогда только мы и начали с ним знакомство...

В этот самый момент дверь вдруг без всякого предупреждения отворилась и вошел бухгалтер в совершенно мокром плаще. Оказалось, он еще утром приехал и целый день сидел и разбирал путаное дело Дальрыбы. Так все счастливо кончилось, и третью ночь свою в Посъете я ночевал, чувствуя всем своим существом, что «природа» и тут от меня не ушла.

Остров фуругельма

До появления песцов остров фуругельма был девственной пустыней, населенной несметными стаями морских чаек, бакланов, чистиков, камешков и других морских птиц. Остров небольшой, мне думается, что по тихому морю на лодке его можно объехать кругом с утра до обеда (триста га, длина береговой линии три километра). От места нынешнего питомника голубых песцов, лежащего в полгоры у центрального ручья над северной бухтой, в полчаса можно подняться на высшую

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru точку гор, откуда в хорошую погоду можно высмотреть Корею и, само собой, очень близок Китай. До появления голубых песцов на острове было так много птиц, что если бы поднять на воздух во время злейшего тайфуна один только какой-нибудь птичий базар, хотя бы, например, с мыса Кесаря, то крики птиц совершенно заглушили бы удары Японского моря о скалы. Сам я видел целую скалу, обвитую красными и белыми розами (*Rosa rugosa* и *Rosa multiflora*), слышал от людей, что весной даже с моря скалы кажутся розовыми от цветущих азалий. Осенью пауки до того заткут кусты паутиной, что приходится с палкой ходить и расчищать себе путь, иначе паутина залепит глаза. Как же много, судя по этим паукам, тут насекомых, сколько летающей жизни, но гнуса нет, очень редко пропищит комар. В летнее время ночью весь остров в огне от летающих светлячков. Что же еще? Есть на острове безобидный японский уж, огромный полоз Шренка и очень редко попадается щитомордник, змея довольно ядовитая, но во всяком случае не в той степени, как родственница ее – змея гремушечная. Да, нужно долго искать случая, чтобы встретить змею, а цветы видишь постоянно, и, говорят, до вторжения песцов птиц было столько, что именно их-то и надо было вместе с цветами считать хозяевами острова.

Пришел август рокового для птиц 1929 года, когда люди решили всей этой жизни дать свое направление. Вскоре после этого, именно 1 сентября, с острова Сахалина прибыла первая партия песцов в двадцать три головы. Следующая партия с Командорских островов была привезена 28 ноября в составе десяти самцов и десяти самок, и, наконец, 7 февраля 1930 года привезли еще одного самца и шесть самок. Всего было завезено 23 самца и 27 самок.

Красивые слова «голубые песцы» относятся собственно к выделанному прекрасному меху, но сам зверь песец сумеречное существо, подозрительное, недоверчивое. Он имеет обличье маленького медведя, но совершенно без тех прекрасных черточек в медвежьем характере, отвечающих величине и силе Михаила Иваныча. Вероятно, скудная северная родина научила песца делать огромные пищевые запасы, грабить и воровать все, что только попадет под лапу, даже и вовсе ненужное. Днем и ночью он видит все своими маленькими неприятными желтыми глазками и, увидев, сейчас же стремится превратить в свою собственность. Мы употребляем это понятие – собственность – в полном его смысле, потому что у песцов не только свои отдельные склады пищи обращены в собственность, а целые значительного размера площади земли строжайшим образом охраняются на границах от вторжения других песцов. Конечно, надо иметь за собой целую большую историю человечества и в процессе этой истории осудить воровство, чтобы высказать мысль: «Собственность есть воровство». Если мы соберем все характерные поступки песца и постигнем основные пружины его существа, то, мне кажется, это будет вполне верно, если сказать, что песец всем своим видом без слов красноречиво говорит о себе на каждом шагу: благословенная способность к воровству является ключом к благополучию собственности.

В конторе питомника на острове Фуругельма в журналах наблюдений найдется немало случаев, характеризующих песцов как исключительных собственников, но как-то гораздо приятнее рассказывать о том, что видел своими глазами.

Квакушины дети

К 1 августа, когда мы прибыли на Фуругельм, одна семья песцов, чрезвычайно нахальная, держалась дома заведующего питомником, где и мы с приездом остановились. Щенки уже были по два с половиной килограмма весом и ростом в полматки. Для подкормки этих щенков егерь брал рыбу, и вся семья песцов, теснясь, ссорясь друг с другом, спешила за егерем вниз через ручей на ту сторону, где вообще кормились песцы и была устроена особая ловушка-кормушка. Там рядом с кормушкой и в отдельном загоне, между прочим, жили и Квакушины дети. История Квакушиных детей вкратце такая: настоящий отец их погиб, кажется мне, при обвале скалы, после чего бездомный Квакуша, как это бывает у песцов, вошел в семью вдовы и взял на себя обязанности по доставлению пищи молодым песцам, равно как и по охране этой самой территории у ручья, через которую теперь мы проводим песцов придомовой семьи для подкормки их на том берегу, возле кормушки-ловушки. Случилось так, что и самка принятых себе Квакушей на воспитание детей тоже погибла. Не помню причины гибели самки, кажется, она при охране своих владений получила рану в области живота, отчего произошло заражение крови. Администрация питомника не решилась оставить щенков исключительно только на попечение Квакуши и, выловив их, поместила в особый загон возле кормушки. Итак, территория у ручья вниз, где когда-то жила полная большая семья, совершенно опустела, самец и самка погибли. Квакушины дети были перенесены на ту сторону, и сам Квакуша

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru большую часть времени проводил возле своих приемных детей, стараясь подкопаться под сетку и передать щенкам сворованную где-нибудь рыбу или другую какую-нибудь снедь. И вот все-таки в то время, когда мы для подкормки проводили щенков придомовой пары через старую брошенную территорию приемной семьи Квакуши, он появлялся тут непременно, рычал, и только наша охрана спасала щенков от его нападений. Мало того. Мы сделали какому-то раненому песцу перевязку ноги и посадили его в изолятор, находившийся на той же опустошенной территории. Не успели мы посадить песца в изолятор, как явился Квакуша, быстро подкопался под пол и оттуда стал донимать больного своим страшным подземным рычанием.

Борьба орлов

В северной бухте острова, на загороженном участке устроились рыбаки-корейцы огромным японским ставным неводом ловить дорогую рыбу тунца. Плохо шло у них дело с тунцами, но всякая другая рыбешка попадалась, и рыбаки не только сами кормились, а даже и отсылали рыбу в кооператив. Недалеко от рыбаков, под старым каном, устроилась необыкновенно продувная и вообще жизнеспособная, сильная семья песцов. Каном в корейских избах называется пол, обогреваемый, так же как и печь, дымоходами. Сама фанза была совершенно разрушена, остался лишь кан, заросший бурьяном в рост человека. Между прочим, возле кана под бурьяном возвышалась горка старого мусора и служила песцам верандой и наблюдательным пунктом. Однажды белоголовый орел осмелился спуститься к рыбакам и выхватить с их промысла сардинку (иваси). Орел поднял небольшую рыбку на скалу. А семья песцов во главе с родителями, Ванькой и Машкой, наблюдали за действиями белоголового со своей веранды. Только было принялся белоголовый орел за свою добычу, откуда ни возьмись другой белохвостый орел, и бросился на белоголового с тем, чтобы отнять у него сардинку. В это время песцы своими сумеречными желтыми глазами взвесили все обстоятельства драки орлов и учли их в свою пользу. Ванька остался с детьми, а Машка в короткое время с камушка на камушек добралась до вершины скалы, схватила сардинку, причину борьбы орлов, и была такова. Дома на своей веранде, отдав добычу детям, песцы как ни в чем не бывало продолжали с интересом следить за борьбой орлов. Эта борьба теперь имела тем больший интерес, что была уже совсем бескорыстной, так как орлы забыли о причине войны и во всяком случае причина эта больше уже не существовала. Темная скала внизу опускалась в кипящее белой пеной море, наверху пух летел от орлов. Кореец, тоже вместе с нами наблюдавший все это, сказал об орлах:

– Шибко большой капитан.

И со смехом показал пальцем в сторону не капитанов, а пассажиров жизни, которые, покончив с добычей, всей семьей сидели на веранде и следили, а может быть, и любовались по-своему борьбой в воздухе больших капитанов.

Морская школа

Рыбаки, понятно, обижены тем, что звероводы, хозяева острова, не позволяют им выходить за сетку, чтобы в знойный день прохладиться где-нибудь у ручья под сенью широколиственных реликтовых растений. С другой стороны, понятно, что и звероводам эти рыбаки – нож острый; во-первых, ведь рыбаков много, в семье не без урода, песца пришибить и украсть плевое дело, во-вторых, стоит только песцу у рыбаков поест соленой рыбы, и от соленого зверю сразу капут. Однажды под вечер мы пошли к этой рыбалке наловить себе на ужин чилимцев. Эти небольшие рачки живут в морской траве и зачем-то при наступлении сумерек непременно и в большой массе приползают к самому берегу по песку. Тут их просто огребают сачками. В ожидании чилимцев мы сели на опрокинутую шампуньку и мало-помалу затихли. Вот видим, выходит на кан все песцовое семейство в полном составе. Сумерки у них – это начало охоты. Ванька не спеша отправляется в горы, вероятно за птицами, а Машка начинает играть со своими ребятами. Мало-помалу мы замечаем, что она не просто играет, а заманивает молодых зачем-то все ближе и ближе к морю. Вот вдруг к молодым подбежала волна, – что это такое? Волна прибежала и убежала, – скорее же за ней, но вдруг волна вернулась и обдала молодежь. Нам стало понятно, что мать заманивала детей к морю, чтобы приучить их не бояться воды и начать добывать себе пищу у моря. Вот она бросилась в воду, отплыла немного, вылезла на камни и стала манить молодых, соблазняя их тоже броситься в воду и выйти на камни. Но молодые увлеклись игрою с волнами и к ней плыть не хотят. Все это происходило у забора, сделанного для того, чтобы песцы не могли попадать на рыбалку. Сетка забора уходила довольно далеко от берега в море, чтобы создавалось таким образом водное препятствие. Вот билась, билась Машка, чтобы заманить щенят к себе на камни, и вдруг сама бросилась в воду и плывет не к берегу, а в море. В полумраке кажется, будто это длинное полено

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru плывет, потому что длинный хвост на воде является непрерывным продолжением спины. Потом Машка морем огибает сетку, плывет к берегу, выходит, бежит, едва видимая, к палаткам рыбаков, возможно забирается в палатки, даже, может быть, в кадки, потому что в самое короткое время возвращается к морю с порядочной рыбой во рту. Снова тем же порядком, огибая сетку, приплывает она к тем самым камням, к которым не могла вызвать молодых. Теперь с камней она показывает им рыбу, и один отважный щенок сразу бросается, плывет, а хвостик, чтобы не замочить, держит вверх пистолетом, второй тоже плывет – и тоже кончик сухой, и так все. А Машка снова за рыбой на берег, принесет, отдаст – и опять. Но вот, конечно, молодые познакомились с морем, наелись и уплывают все разом с сухими хвостиками. Тут-то и начинается у Машки самая настоящая работа. Теперь из цепи ее действий выпадает возвращение на камни. Да, туда, чтобы рыбу украсть, она непременно должна плыть морем, потому что сеточный забор имеет наклон сюда, и пробраться по нему к рыбакам невозможно. Однако оттуда ей уже незачем оплывать морем сетку, по наклонному забору, с рыбой в зубах, она может в один миг перемахнуть и исчезнуть куда-то во тьме и снова показаться плывущим по морю поленом, а через несколько секунд на заборе явиться на фоне светлого неба с рыбой во рту. Одно время я пробовал считать появление Машки на заборе, но вскоре счет потерял. По всей вероятности, она так будет работать всю ночь. Но куда же денется такой огромный запас, если принять во внимание, что и Ванька тоже что-нибудь всю ночь добывает и зарывает? Раскопав одну кладовую, мы добыли из нее более ста больших морских птиц, чаек и чистиков, загрызенных, начатых и сильно разложившихся. Однажды через форточку придомовый песец утащил мои чулки, найденные потом в овраге и только случайно еще не зарытые. Еще мы нашли в песцовой кладовой совершенно им не нужный кусок резины. Они могут утащить и зарыть бинокль, ружье. Маленького годового ребенка, девочку заведующего, песцы тоже пробовали унести и протащили уже через дорожку в траву... Их способность все тащить, вероятно, возникла в тяжелых условиях жизни скудного севера, и они продолжают заниматься этим, как художеством или спортом, и тут, где все есть в большом обилии. Они напоминают мне одну старуху, до того напуганную голодом в 1919 году, что потом в очень благополучной семье она продолжала во время обеда потихоньку собирать кусочки черного хлеба и складывать их ежедневно у себя в большой корзине. Раз в неделю во время уборки квартиры под предлогом мытья пола из комнаты удаляли старуху, очищали ее корзину от кусков, и потом она, ничего не замечая, как автомат, опять наполняла...

Невольно приходит в голову, что если бы возможность была от этой старухи отвести породу людей, то это и были бы наши песцы.

Можно себе представить, как встретились с птицами пущенные на остров песцы и что наделали они тут с весны 1930 года и до нашего посещения острова в июле – августе 1931 года. Прежде всего это не кролики, и размножились они не очень сильно. С другой стороны, их размножение было ослаблено тем, что песцы, переведенные из сахалинского питомника, были в очень плохом состоянии. Словом, к началу гона в 1930 году всего оставалось девятнадцать самцов и восемнадцать самок, а к 15 июля 1931 года было выявлено на острове пятнадцать нор и в них шестьдесят пять щенят. И при таком сравнительно малом количестве зверей на острове и несметной силе птиц перед администрацией питомника теперь стал круто вопрос о материале для подкормки песцов. Казалось бы с первого взгляда ясным, что несколько десятков хищников без большого ущерба для всего населения долго могут жить на острове. Но каких хищников! На острове птиц и цветов, конечно, цветов не ubyло, но взгляните хорошенько, и вы всюду между цветами увидите легонькие тропки, пробитые песцовыми лапками. Идите по этой тропке, и вы скоро встретите целую пирамиду разноцветных яиц, из которых и голубым цветом, и рисунком на голубом, и величиной прежде всего удивят вас яйца сравнительно небольшой птицы ары (раза в полтора больше куриного). Все эти яйца в горке пустые, потому что это не кладовая песца, а столовая. Он приносит яйцо всегда на то же самое место, и, выломав небольшое отверстие зубом, содержимое вылизывает языком. Так и складывается эта горка. Пройдите по другой тропе, и вы найдете вторую столовую. Но это, наверно, ничто перед тем, что зарыто очень искусно на острове. Случалось сотрудникам питомника в сентябре находить кладовые песцов и доставать из них яйца совершенно свежими. Выбирают ли песцы для яичных кладовых особенный грунт? А сколько птиц, в особенности чаек, погибло от песцовых острых зубов! К нашему приезду на остров птичьи базары были совершенно расстроены, и целыми оставались только гнезда бакланов, устроенные на отвесных и совершенно неприступных скалах. Что могли теперь добыть себе песцы сами? Возможно, они ловили на берегу моря в камнях осторожных мокриц, ухитрились выедать из-под низу морских ежей или чилимцев. Но ведь этим не прокормишься. Для них стали стрелять

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru нерпу, и очень скоро от этого нерпа покинула свои лежбища. Ловили рыбу для песцов и, развозя по норам на лодке, стреляли бакланов, последних птиц, недоступных песцам. И когда мы ехали на лодке с ружьями, песцы знали, что это люди едут для них, а когда раздавался выстрел, некоторые из них, особенно смелые, бежали на выстрел и спешили схватить упавшую птицу раньше охотника.

Мы целый вечер потом обсуждали вопрос, какими животными населить остров взамен уничтоженных птиц: мышами нельзя, – мыши являются промежуточными носителями глистов, лягушками – нет болот... Разве устроить параллельно питомник маленьких плодовых кроликов. Еще мы много говорили о предельном районе песца, достаточном для жизни его семьи. И большой интересный вопрос встал о влиянии климата на мех. Что остров покрыт пышной растительностью, дающей прекрасное убежище для песцов в жаркие дни, что число ясных дней летом исчисляется единицами и даже особенная влажность, свойственная Приморью, – все это, конечно, благоприятно песцам. Но вот в Приморье, как бы в возмещение туманного лета, бывает ярко-солнечная зима, – не повлияет ли эта избыточная солнечность на острове (против малой зимней освещенности на родной родине песцов) на качество их меха? Нам дали намек на ответ в положительную сторону, исходя из того, что у двух старых песцов в первую зимовку мех ухудшился, но во вторую стал снова хорошим. При таком коротком существовании питомника в таких исключительных условиях, при общем нашем незнакомстве с островным хозяйством, было бы нечестно делать какие-нибудь практические выводы. Нам кажется, существование питомника достаточно оправдывается интересностью опыта.

Есть мелочи, которые оставляют большое впечатление и мало-помалу решительным образом влияют на всю сумму впечатлений. Так, например, питомник распугал стрельбой нерп и уничтожил нерпичье лежбище. Была ли в этом крайняя необходимость? На наших глазах служащие питомника присадили рыболовную сетку и поймали в одну ночь десять акул. А еще мы видели, как егеря стреляли в неприступные гнезда бакланов, и некоторые молодые бакланы, шевелясь, придвигались к краю скалы и падали, а другие так и оставались там, и только десятки красных полосок на скале, соответствующие числу попавших дробин, свидетельствовали о напрасных жертвах. Бакланов, умеющих себя охранять от песцов, вообще бы следовало запретить стрелять и охранять как запас пищи на крайний случай. Очень возможно, что и много такого есть еще, в чем мы действуем, выправляя линию природы в пользу себя, на первых порах не лучше безумных песцов, в один год расстроивших все огромное птичье хозяйство.

Полярный роман[4]

Море сушу разделяет и в то же время роднит берега и создает общение между народами, – это школьная география, но поневоле к ней возвращаемся, если у моря ежедневно слушаешь рассказы людей с Камчатки, Чукотки, Шантарских островов, Командорских. Но море роднит, а то как же понять это странное явление, что голубые песцы, жители Командорских островов, с этого севера попали на остров 42-й параллели, остров Фуругельма, весь заросший виноградом, розами и азалией. А воздух! – вот еще новая объединяющая стихия: с Командорских островов на аэроплане голубые песцы прилетели в Соловки, на Кильдин, и живут себе там как ни в чем не бывало! С острова Кильдина встретился мне зверовод Иван Антонович, и я слушал трогательный рассказ его о песцах белых, коренных жителях острова, и голубых, доставленных с Командорских островов. Сам Иван Антонович, уже немолодой человек, несколько раз был ранен в мировой и гражданской войнах. Доктор установил, что работоспособность его совсем подорвана, но без работы жизнь его будет невыносимой. Пришлось искать занятие, в котором понимание дела совершалось бы не так за счет разума, как за счет сердца. В поисках такого занятия наткнулись на практическое звероводство. Иван Антонович прошел какие-то коротенькие курсы, получил инструкции от ученых людей и поехал на Кильдин заниматься песцами.

Каждый биолог, если только он хочет найти причину какого-нибудь явления в жизни растений или животных, должен прежде всего отстранять от себя все, чторосло в суждениях человека об этих растениях или животных через мнение о себе самом. Все мифы, сказки, тот незаметно вкрадывающийся антропоморфизм и вместе с тем всю поэзию надо отбросить или поставить на такое место, чтобы она и все подобное не мешали научной работе. Биолог суровый человек, в личности живого существа не нуждается и занят только причиной явления. Мне, однако, повезло. Антоныч как раз именно не мог работать тем местом разума, где явления мира расставляются в причинную связь: Иван Антонович был сильно контужен в голову, и его понимание зверей необходимо должно было исходить из сердца, – значит, просто он должен был

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru их понимать по себе. В то же время человек он такой добросовестный, что не может и привинять, как делают это некоторые биологи, неудовлетворенные одним объяснением причины, а может быть и просто к этому неспособные. Иван Антонович записывал на Кильдине точно и просто все, что он сам видел своими глазами.

Когда-то на острове как белых, так и голубых песцов было великое множество, но охотники до того их истребили, что Антоныч, записывая свои ежедневные встречи со зверями, скоро почти всех их сосчитал. Местных голубых осталось на острове всего только пятнадцать пар, а местных белых лишь пять. Из привезенных с Командорских островов и пущенных сюда голубых песцов теперь живут тридцать восемь пар, все они дали приплод в сто двадцать штук – значит, всего-навсего теперь песцов на острове голубых и белых, местных и командорских, старых и молодых двести двадцать. Антоныч до того теперь знает песцов на острове, что, издали увидев, разберет не только, что местный он или командорский, а также сразу определит, с какого Командорского острова песец, с Берингова или с Медного. Впрочем, это и каждый скоро поймет: беринговцы как-то светлей, чем с Медного, на лице у них как бы маска с пробелью, беринговцы лещеватей и более робки, а с Медного все какие-то тяжелоступы. Местные голубые грациозны, проворны, легки, а белые местные особенно легки, недоверчивы и чутки. Кроме случайных встреч, Иван Антонович постоянно их видит возле устроенных на острове кормушек, некоторые песцы живут возле самого становища и до того привыкли, что Антоныч кормит их прямо из рук, даже и поглаживает, но только не голой рукой, а валенком или локтем, чуть же тронул голой рукой, так сразу и след простыл. Многих песцов теперь зверовод и сторожа даже знают в лицо и называют по имени.

Прошлый год 6 декабря при подкормке зверей показался один до сих пор неизвестный, у него, как у всех беринговцев, была маска на лице с пробелью, был он хром, сед, подбираясь к корму, пылливо вглядывался в глаза человека, а в тот момент, когда, наконец, решался взять кусок, его непременно слабило; из всего этого, – что сед он и хром, слаб на живот и особенно, что держался всегда в стороне от стаи, – можно было увидеть в нем зверя очень старого. Приходил он всегда почему-то со стороны Могильного озера, всегда в одиночку. Звать его стали просто Хромко.

Тут же возле становища жила под берегом и даже пыталась подрываться под амбар одна самка, тоже, вероятно, очень старая, потому что была глуха, и звали ее просто Глухая. Большинство же зверей приходили со стороны Масленникова ручья, где был дом с кормушкой. Тут из всех зверей самая интересная и самая любимая у Антоныча была, конечно, Игрунья, необыкновенно легкая, грациозная и шаловливая самочка-беринговка. Если погода на Кильдине шла к ведру, Игрунья всегда танцевала впереди стаи и даже выговаривала: «Хме! Хме!» Если Игрунья была вялая и шла позади, то знай, что непременно внезапно переменится погода и такой ветер задует, что устоишь на ногах только под сильным каменным укрытием.

Раз Игрунья прихворнула. По этому случаю Антоныч принес ей каши гречневой с маслом в алюминиевой чашке, поставил перед ней и стал уговаривать поесть этой хорошей пищи. Игрунья, прислушиваясь к разговору, неохотно, а только из уважения к Антонычу, ела. Но как только зверовод хочет уйти и перестает ей бормотать, – бросает есть и вроде как бы печально глядит в его сторону и только не говорит: «Не уходи, погоди!» Но ведь надо же было уходить, и вот что придумал Антоныч: он стал уходить задом и разговаривать; конечно, чем дальше он отходил, тем громче нужно было и разговаривать, вроде того: «Ах, песики, вы мои песики, горе мне с вами, то очень уже жадные и деретесь между собой из-за куска, а то вот хвораете, возись с вами, а я ведь один».

Голос Антоныча в горах всем песцам отлично известен, каждый, до кого может только дойти этот звук, непременно зашевелится, но все ведут себя по-разному. Большинство спящих, свернутых в клубочки, сначала поднимают только голову; затем, что-то сообразив, ползут между камнями и выглянут так, чтобы самого-то никак нельзя было со стороны заметить. Но один слух может и обмануть, вдруг окажется, что это не добрый Антоныч разговаривает, а какой-нибудь злой человек вызовет, а потом и хлоп из ружья. И потому не только надо услышать, а и оглядеть своими собственными глазами. И когда даже оглядел, и то все-таки мало, глаза гораздо больше слуха обманывают: надо зверю почуять, а для этого надо зайти так, чтобы ветер бил в нос. Начинается осторожный обход, наконец Антоныч замечает голову между камнями, и тут ему непременно нужно сказать свое: «Песик! Песик!» Вот когда можно только очень осторожно с лапки на лапку подходить. Но, конечно, характеры у песцов так же различны, как и у людей. Вот есть одна темная

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
беринговка. Когда Антоныч разговаривал с хворой Игруньей, она притаилась за камнем, и как же ей, голодной, наверное, было отвратительно видеть, что Игрунья ломается. Улучив мгновение, когда Игрунья, бросив пищу, сделала шаг в сторону уходящего Антоныча, она вдруг выскочила из-за камня, схватила миску – и в горы! Такая уж повадка у всех песцов, стащить, что плохо лежит, и зарыть в свою кладовую. И миски Антонычу не видать бы больше, если бы Налетка не уронила ее. Металл звякнул о камень, Налетка струсила, расправила трубу и унеслась, как стрела.

Кроме этой Налетки, была самочка очень милая, но и очень робкая, как бы застенчивая. Ее звали Ласковая, и жила она в паре с Дураком, единственным песцом, который позволял себя голой рукой гладить. Но он был чудовищно жаден и через это несколько глуп: если ему бросить отличный кусок и он им завладеет и тут же бросить другой, плохонький, то, хватаясь от жадности за новый кусок, он оставляет старый, дорогой, и потом с дрянным куском во рту глупо и долго смотрит, любуется, как Налетка, прыгая с камня на камень, мчит в горы его драгоценный кусок. Так все песцы чем-нибудь отличаются и все имеют свои клички. Вот есть придомовая пара, или Хозяин с Хозяйкой, – эти умные песцы поняли, что гораздо выгоднее жить возле дома охраны, они тут осели, взяв в свое распоряжение крыльцо и сени. Но мы забегаем вперед и рассказываем о том времени, когда звери спариваются. Рассказ же Антоныча начинается с прихода нового неизвестного зверя Хромого. Это было 6 декабря, когда Кильдин освещается только часа на полтора бледным отблеском невидимого солнца. В это время звери живут стайками.

Луч света, чистый луч во всем своем великом значении может быть понятен по контрасту с полной тьмой лишь на Крайнем Севере. Но звери плохие поэты; почуяв по свету весну, может быть, тоже смутно поэтически, они не откладывают своего счастья до теплого мая: их разум, и любовь, и пол разом пробуждаются при первых лучах прекрасного северного света. Все начинается игрою, вскоре игра переходит в гон, и после спаривания звери селятся для выращивания детей на отдельных участках. При первых лучах солнца вдруг исчез совершенно Хромко, как ушел к себе в сторону Могильного, так больше и не появлялся.

Зверовод понял это так, что старый зверь, в предчувствии гона и неизбежного состязания зверей при разбивке на пары, удалился, чтобы не вступать в невыгодное для себя состязание с молодыми. Возможно было предположить даже и то, что Хромко, как очень старый зверь, совсем даже и не мог спариваться и ушел в пустыню Могильного. Это реликтовое озеро на Кильдине очень странное и мрачное. В нем три разных воды: нижний слой пропитан убийственным сернистым газом, в средней морской воде этот газ обезвреживается, а наверху лежит вода пресная, живая. Есть предание, что некогда тут стоял монастырь, и правда, вот уж подходящее место для монастыря, ничего нет, одна только живая и мертвая вода Могильного озера. Хромко, старый, бессильный, но, может быть, все-таки искушаемый чувством весенней звериной любви, пожалуй, и не глупо сделал, что на время гона удалился один к могилкам монахов. Но вскоре заметили, что и Глухая больше не показывается, тоже куда-то ушла. Ей-то зачем уходить? Оставалось предположить одно, что Хромко увел ее с собой справлять у Могильного свою позднюю свадьбу. Потом из общества песцов возле дома охраны исчезла Игрунья, и ее видели на севере с белыми. Так мало-помалу все звери разбрелись и поспарились. Теперь наблюдать за песцами стало гораздо труднее. Всем наблюдателям были вручены книжки, в которые они должны были записывать все о встречах своих с песцами. В этом мире, где собственно жили как следует только звери, а люди были при зверях и удалились от жизни, события в жизни зверей для людей часто были потрясающей силы. Так вот однажды сторож Василий принес с северного берега необыкновенное известие. С большим волнением рассказывал он, с таким же волнением выслушивал Антоныч и сильно задумался. Вот что видел Василий. Там, на северном берегу, совершенно так же и до точности похоже на иллюстрации к жизни Робинзона, стоял уже несколько лет громадный разбитый английский корабль, во время отлива можно было подойти к нему посуху и некоторое время было зачем подойти. Обходя остров, Василий по этой привычке задумал побывать на пароходке, и как только стал туда забираться, вдруг оттуда выскочил и опрометью пустился к берегу песец, невозможно было не узнать его, – на лице маска с пробелью, полуседой и сильно хромал на правую заднюю ногу. Хромко до того был чем-то раздражен или напуган, что, несмотря на свою хромоту и старость, помчался, как стрела, краем воды под пахтой на запад.

Это известие поразило зверовода. Если Хромко удалился с Глухой, то как он мог

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru попасть и устроиться в области, захваченной и населенной исключительно только белыми? Нет, конечно, не мог он устроить парную жизнь в области враждебных участков белых. Даже если он и один жил бродячей жизнью, то как на свои охотничьи участки могли пропустить его белые? И что ему нужно было на старом пароходе, где были одни только ржавые машины? И куда делась Глухая? А еще неприятное известие принесли наблюдатели: видели Игрунью повязанной с белым. Инструкция была, чтобы уничтожить белых и вести чистую линию дорогих голубых. Но белые Антонычу сами по себе очень нравились, и он ослушался высших звероводов, полагая, что голубые останутся с голубыми, а белые с белыми.

Так день изо дня прибавляется свету на острове, вот солнце вовсе перестало окутаться в океан, и на севере, и на западе, везде песцы начали цениться. Целые дни и очень часто солнечные ночи Антоныч проводит за биосъемкой, как он называет свой собственный способ обследования границ участка, захваченного в единоличное владение каждой парой песцов. Как известно, песцы имеют свою собственную территорию, на которой только и могут охотиться. Правда, есть у них общие тропы к пресной воде или еще куда-нибудь, но есть и частные тропы к ручью или к ягоднику, ходить по которым может только владелец. Как же узнать невидимые границы этих владений и нанести их на карту? Начиная биосъемку, Антоныч запасается каким-нибудь самым лакомым песцовым кормом, свежих птиц настреляет, чаек, потом приходит на предполагаемый участок и вызывает хозяина обыкновенным порядком: «Песик! Песик!» Зверь идет, и когда настолько приблизится, что может чуют аромат лакомого блюда, Антоныч повертывается и, маня зверя, отходит и так заманивает песика до тех пор, пока тому дальше идти нельзя, иначе выскочит хозяин другого участка и даст ему тумака. У границы песик обыкновенно садится, а Иван Антоныч бросает заметку, переходит границу и вызывает другого хозяина. Границы хозяйства придомовой пары установить было нетрудно, рядом же с Хозяином и Хозяйкой были установлены границы владений самки Крикливой. На третьем участке поселился Дурак со своей Ласковой. После этого через очень большой промежуток устроилась Налетка и рядом с Налеткой Сурьезная. Начиная с Сурьезной, все дальнейшие участки расположились на полупахте. Однажды ночью Антонычу пришло в голову: «Почему все участки были приблизительно в двести метров длиной, а между участком Дурака и Налетки выходило много больше? Не пропустил ли он чей-нибудь участок?» Эта мысль пришла ему в голову, заставила бросить сон и немедленно приступить к биосъемке. Несомненно, ошибка, если только она была, произошла при обмере участка Дурака, и потому первого начал манить Антоныч его или Ласковую. В этот раз действительно Дурак перешел прежде намеченную границу и долго шел, но вдруг сел, сгорбил и ошетинился. Зверовод сразу сообразил, что если один зверь ошетинился, то другой где-нибудь тут рядом сидит. Перейдя эту новую границу, Антоныч на некоторое время затих, а потом начал разговаривать с невидимым хозяином и, наконец, определенно позвал по своему обыкновению: «Песик! Песик!» и вот тогда вышел хозяин самый неожиданный; Антоныч, увидев его, онемел и не хотел верить своим глазам: на зов его вышел старый Хромко!

Но это было только начало чудес. Когда Хромко взял кусок и понес его, из-за куста можжевельника вышла Игрунья! Как же это было понять: молодая, резвая Игрунья, которую видели спаренной с белым, теперь живет со старым, беззубым Хромко? На счастье, как бы что-то предвидя подобное, Антоныч только что застрелил чайку, очень любимую песцами, и, конечно, сейчас же дал ее своей любимице Игрунье. Пока она занималась чайкой, зверовод, конечно, заглянул по ту сторону кустика можжевельника, откуда вышла Игрунья. Он не ошибся, гнездо было тут: возле кустика у норы под защитой большого камня прямо на земле лежали щенята. Обыкновенно самка приносит детей возле норы и потом уносит в нору. Но бывает, изредка оставляет и возле норы, если есть надежная защита от бури. Осторожно, тростью раздвигая маленьких, Антоныч сосчитал их раз и два и записал себе в книжку, что щенков родилось у Игруньи семь.

На пустынном каменном полярном острове в полночь при красном свете мертвого солнца черные скалы принимают черты человеческих лиц. Вот из скал огромная женщина с грудью, полной молока, склоняется к ребенку, протянувшему к ней ручки из тихой воды океана. Как тут не задуматься: ведь океан – родина всего живого и земля-кормилица... И как же вздрогнешь, когда этот ребенок вдруг шевельнется и сложится в нем из неясного настоящая усатая человеческая голова! И потом, когда круглая усатая голова морского зайца скроется под водой, сколько смотришь потом на разноцветные перекаты струек воды, возбужденных исчезнувшим зверем. Скала же все еще кажется матерью и долго остается, пока вдруг не шевельнется чайка в птичьем базаре, и от этого почему-то исчезнет фигура, и так, что и рад бы ее опять увидеть, а нет...

Непрерывный лай дикой голубой собачки в черных горах при свете полуночного солнца долетел до самого Могильного и очень тревожил Антоныча, он не мог уснуть только от этого, и казалось, будто старые раны открылись и ныли. Слушая часами этот лай, он, наконец, окончательно убедился, что в стороне охранного домика у Масленникова ручья у песцов случилась большая беда. Он уже решил идти туда на помощь, но вдруг с нижней террасы на среднюю вышел голубой песец и, выбрав себе удобный камень, свернулся на нем плотным комком.

По привычке непременно все себе предположительно объяснять Антоныч подумал: «Наверное, что-то здоровое себе раздобыл, наелся очень сильно и лег».

Через некоторое время на верхней террасе показался другой песец, спящий это учуял, поднял голову.

«Вероятно, это хозяин лежит, – подумал Антоныч, – а тот браконьер, хозяин сейчас задаст ему трепку».

Но хозяин, осмотрев браконьера, снова уложил свою голову так, чтобы нос был в особенном тепле.

Осторожно спустившись на среднюю террасу, верхний песец стал на тот след, которым прошел перед этим спящий, внимательно понюхал его. Ничего не было сказано в этом следе. И песец спустился к тому самому месту, где из скал женщина опускала грудь, полную молока, в океан.

Лай со стороны охранного домика продолжался непрерывно.

Антоныч вынул журнал и при красном свете незаходящего солнца в самую полночь записал себе объяснение виденной сцены: «Не остается сомнения в том, что у песцов есть неразделенная общая площадь, где они без помехи друг к другу могут ходить и охотиться, иначе почему же проснувшийся песец не стал защищать свое владение и тот пришелец тоже, если он был настоящим хозяином, не прогнал спящего. Очевидно, эта площадь у Могильного неделинная, может быть, и потому, что тут в этой местности невозможно построить нору».

Записав это, Антоныч, очень встревоженный непрерывным лаем, медленно двинулся к местам коренных гнездований песцов.

Солнце, как это бывает за Полярным кругом, вроде как бы дрогнуло и стало мало-помалу, играя, все больше и больше белеть. Так летом рассветает на Крайнем Севере. В это время Антоныч настолько приблизился к охранному домику, что почти мог определить место, где лаял зверь: по всей вероятности, это было на четвертом участке, где жила Игрунья с Хромко.

Через короткое время Антоныч действительно увидел против солнца черно-силуэтную фигуру Хромко на скале и подошел к нему близко. Игруньи же возле не было, и стало понятным, что Хромко звал, конечно, Игрунью.

– Песик! Песик! – стал звать Игрунью сам Антоныч.

Хромко замолчал.

Игрунья не приходила, и опять жалобно залаял Хромко.

«Но как же теперь щенята живут?» – вспомнил Антоныч и взглянул под известный куст можжевельника.

Щенята лежали все мертвые, холодные. Тогда все стало понятно: отец не мог дать им молока и, возможно, надеялся вызвать мать и оживить маленьких. Зверовод сосчитал маленьких, их теперь не семь, а только шесть. Куда же делся седьмой?

Если предположить, что мать погибла под пахтой от обвала или оттого, что молоко бросилось в голову, то как же мог пропасть седьмой щенок? Быть может, она бросила гнездо потому, что у нее не хватало молока, и одного унесла с собой? Или, быть может, щенок умер еще при ней и тут же где-нибудь она его и зарыла?

Антоныч тросточкой отстранил мертвых и вдруг под ними увидел много кусочков

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru оленины, той самой, которую кладет он в кормушки для подкормки зверей. Теперь звероводу было уже нетрудно о всем догадаться. Хромко не лаял в то время, когда Игрунья куда-то пропала, он слушал, когда маленькие без молока начали скулить, и таскал им из кормушки кусок за куском оленину. Вероятно, эти кусочки побуждали щенят тянуться к сосцам, а когда они шевелились, кусочки непременно должны были проваливаться под них, и там внизу накопилось их не мало, под щенками куски в несколько рядов лежали. И лишь когда щенки замолчали, перестали шевелиться и совершенно застыли, Хромко бросил таскать оленину и заревел.

Выслушав этот роман из жизни голубых песцов, мы стали к звероводу Ивану Антонычу совершенно в такое же положение, как подразумеваемые читатели к автору, который написал роман: мы забросали его вопросами о дальнейшей судьбе действующих лиц, и он тоже, как автор настоящего человеческого романа, должен был дать нам эпилог.

Прежде всего мы спросили, не получилось ли каких-нибудь сведений о гибели Игруньи.

– Кто вам сказал, что она погибла? – ответил Антоныч. – Ее нашли вскоре на третьем участке, там она жила с Дураком.

Изумленные такой развязкой, мы спросили зверовода, как он понимает, почему Игрунья бросила старика Хромко, и какая цель у нее была идти к Дураку, если время гона прошло, и куда делась Ласковая, которая жила с Дураком.

– Как могу я знать? – ответил Антоныч. – Я могу только догадываться, что у Игруньи не хватало молока, щенята передохли, и она могла это поставить в вину самцу: плохо достает пищу.

– А куда делся седьмой?

– Вероятно, он первым погиб и она его закопала.

– Но зачем же ей надо было идти к Дураку?

– Она могла пойти к Дураку потому, что период парной жизни еще не кончился, самцу надо для кого-то таскать пищу, самке нужно норовое укрытие и много такого...

– А Ласковая?

– В брачный период ее не нашли, но зимой она явилась в стайке у самого становища. Для нас остается совсем неизвестным, почему именно расстроилась ее жизнь с Дураком.

Под конец мы вспомнили про Глухую, и тут Антоныч оживился. Глухую нашел у белых, и удалось дознаться, что она дала потомство. И это уже окончательно проливает свет на все поведение Хромко. Во время гона, по всей вероятности, Хромко и Глухая вместе вышли в сторону Могильного. Там на общем участке, где нельзя нор копать, на общих тропах они благополучно охотились и доставали себе какое-то пропитание. Быть может, время от времени они пробовали неудачно спариться и, так увлекаясь, шли все дальше и дальше кругом острова, пока не достигли участков белых. Какой-то сильный самец отбил Глухую и загнал Хромкого на пароход, где он и был обнаружен сторожем. Бесприютный старик, мало-помалу совершив круг берегом моря, подошел к кормушке у Масленникова ручья и тут встретил вдовую Игрунью.

Меня поразило рассказ Антоныча своей человечностью. Я прослушал его несколько раз, записал названия зверей, порядок событий. Мое внимание было такой большой наградой Антонычу, что он доставил мне скоро свой журнал с записями других наблюдений, по которым я мог проверить точность рассказа. После этого я так укрепился в правдивости песцовых событий на Кильдине, что уже не только не боялся биологов, а, напротив, искал встречи с настоящим ученым, который мог бы дать научное объяснение этому полярному роману песцов, столь похожему на любовь человека. Я встретил такого ученого только в Москве, подробно все рассказал ему и показал журнальные записи. Выслушав все молча, очень внимательно, биолог сказал:

– Для меня тут нет ничего нового и непонятного: это гравидан.

И объяснил мне всю эту «любовь на полярном острове» из своих опытов над

Дорогие звери. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
лисицами, которые в сущности те же самые песцы.

Так бывает у лисиц: самец, имевший короткую лисью любовь, скоро становится равнодушным к самке, но недели за три до родов вдруг снова ухаживает, как перед спариванием, и потом вскоре делается чрезвычайно заботливым отцом. Биолог не может удовлетвориться тем чувством отцовства, которое в человеческой жизни является присущим как бы самой природе человека и не разложимым дальше на составные части. Биолог пылливо ищет причину возрождения любви у самца перед родами и находит, что у беременной самки в моче перед родами выделяется особое вещество гравидан, которое так действует на самца, что он становится отцом и принимает на себя все обязанности по уходу за самкой-матерью и ее детьми.

Так вот, перенеся этот известный опыт с лисицами на очень схожих с ними песцов, вспомнив, что наблюдатели видели Игруню повязанной с белым, биолог сделал себе такое предположительное объяснение. Белый самец, муж Игруни, во время охоты под пахтой был раздавлен обвалом террасы и засыпан камнями. Это случилось не ранее трех недель до родов, когда у самки выделяется гравидан, возбуждающий чувство отцовства не только у своего, но и у всякого свободного отца. А Хромко в это время был встречен на пароходе и пустился на запад, загибая берегом к Масленникову ручью. Возможно, на охоте за мышами, куликами или просто у Пресного ручья за питьем он встретился с Игруней-вдовой, и брак был заключен на основе чисто хозяйственной необходимости, возникшей под действием прерванного тока энергии пола.

Грустно было мне, искателю и, как я мню себя в хорошие минуты, строителю личного начала в природе, все эти живые лица зверей рассказа сердечного Антоныча растворить и потерять в механической силе какого-то гравидана. Мне вскоре посчастливилось встретиться с другим известным биологом, рассказать о песцах и заключить рассказ гравиданом. Этот биолог жестоко напал на первого и назвал его понимание устаревшим, механистическим. И когда я снова встретил первого и передал ему разговор со вторым, он стал издеваться над ним и назвал виталистом.

В следующих поисках верного понимания не раз я позавидовал Антонычу, сердце которого являлось почти единственным средством понимания жизни зверей.

Примечания

1 Известная книга Арсеньева «В дебрях Уссурийского края».

2 Шишкачом называется олень, у которого спилили панты и оставили одни шишки.

3 Саек – годовалый олень с тонкими шпильками вместо рогов.

4 Рассказ этот написан со слов кильдинского звероведа Ивана Антоновича Зависского. Труд мой состоит исключительно в переложении устного в литературе.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!